

ISSN 2664-374X (Print)
ISSN 2664-3758 (Online)

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

1/2021

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Миронова**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одогова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; д.ю.н., доцент, профессор **Е. М. Сынкова**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семыкина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семыкин**; к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Mironova**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **N.V. Aseeva**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Doctor of Law, Associate Professor, Professor **E. M. Synkova**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Timoshenko**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E.E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «ДонНУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 3 от 27.04.2021 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 1/2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Барбашова Н. В.</i> Особенности разработки закона ДНР «О техническом регулировании» в контексте обеспечения экологической безопасности	3
<i>Бурцев А. И.</i> Специфика взаимоотношений Республики Казахстан и Киргизской Республики на современном этапе	10
<i>Герасименко Ю. В.</i> К вопросу о формировании правовой идеологии в контексте евразийской интеграции	19
<i>Каблов Д. С., Федосеева Я. О.</i> Деонтологический аспект разработки мер по предупреждению совершения должностных преступлений	26
<i>Краснонос Е. Ю., Затейщикова Е. Л.</i> Современное правовое регулирование систем с искусственным интеллектом в Российской Федерации	33
<i>Матвиенко Е. А., Осадчая Д. А.</i> К вопросу о легализации эвтаназии: ситуация в мире, Королевстве Нидерландов (стране-члене Европейского Союза) и перспективы перенятия опыта в Российской Федерации	39
<i>Пашков С. Н., Рахимова В. М.</i> Гармонизация экологического законодательства Российской Федерации и Донецкой Народной Республики	47
<i>Степанова Ю. С., Левицкая Т. А.</i> Единая цифровая платформа ЕАЭС – шаг в информационное будущее евразийской интеграции	55
<i>Степанова Ю. С., Присяжная М. С.</i> Унификация и гармонизация понятийно-терминологического аппарата в наднациональных корпоративных отношениях ЕАЭС	63
<i>Степанова Ю. С., Слайковский Е. А.</i> Особенности концептуального развития института независимой экспертизы нормативных правовых актов в правотворческой системе государств-участников ЕАЭС и Донецкой Народной Республики (сравнительно-правовой анализ)	72
<i>Тимошенко Н. А., Егурнов А. А.</i> Сотрудничество в сфере борьбы с трансграничной преступностью в рамках Евразийского Экономического Союза	82
<i>Тимошенко Н. А., Матвийчук А. О.</i> О перспективах развития уголовного судопроизводства в рамках евразийской интеграции	88
<i>Шестак С. В.</i> Правовая рецепция в законодательстве Донецкой Народной Республики (теоретико-правовой аспект)	95
<i>Щербинина Е. В., Слизовский В. А.</i> К вопросу о формах государственного устройства стран-членов Евразийского Экономического Союза: современное состояние и прогноз дальнейшего развития	100
Правила для авторов	108

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 1/2021

CONTENTS

<i>Barbashova N.</i> Features of development of the DPR law «On technical regulation» in the context of ensuring environmental security	3
<i>Burtsev A.</i> Specific relationship of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic at the present stage	10
<i>Gerasimenko Yu.</i> To the question of formation of legal ideology in the context of eurasian integration	19
<i>Kablov D., Fedoseeva Ya.</i> Deontological aspect of the development of measures to prevent the commission of official crimes	26
<i>Krasnonosov E., Zateishikova E.</i> Modern legal regulation of systems with artificial intelligence in the Russian Federation	33
<i>Matvienko E., Osadchaya D.</i> On the question of legalization of euthanasia: the situation in the world, the Kingdom of the Netherlands (a member of the European Union) and the prospects of experience in the Russian Federation	39
<i>Pashkov S., Rakhimova V.</i> Harmonization of environmental legislation of the Russian Federation and the Donetsk People's Republic	47
<i>Stepanova Yu., Levitskaya T.</i> The unified digital platform of the EAEU – a step into the information future of the eurasian integration	55
<i>Stepanova Yu., Prisyazhnaya M.</i> Unification and harmonization of the concept and terminological apparatus in the national corporate relations of the EAEU	63
<i>Stepanova Yu., Slaykovskiy E.</i> Features of the conceptual development of the institute of independent examination of regulatory legal acts in the law-making system of the EAEU states and the Donetsk People's Republic (comparative-law)	72
<i>Tymoshenko N., Egurnov A.</i> Cooperation in the field of struggle with cross-border crime within the Eurasian Economic Union	82
<i>Tymoshenko N., Matviychuk A.</i> Prospects for the development of criminal proceedings in the framework of eurasian integration	88
<i>Shestak S.</i> Legal reception in the legislation of the Donetsk People's Republic (theoretical and legal aspect)	95
<i>Shcherbinina E., Slizovsky V.</i> On the question of state structure of the Eurasian Economic Union member countries: current state and forecast of further development	100
Guidelines for authors	108

УДК 342.951:349.6

Барбашова Н. В.

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ ЗАКОНА ДНР «О ТЕХНИЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ» В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Интеграция ДНР в ЕАЭС предполагает гармонизацию соответствующих сфер правового регулирования. Показано, что одним из важнейших направлений такого сотрудничества в вопросах безопасности является принятие в ДНР Закона «О техническом регулировании». Эта функция возлагается на технические регламенты, которые принимаются в первую очередь в целях защиты жизни или здоровья граждан, охраны окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений от угроз, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности. Рекомендовано дополнить Закон ДНР «О техническом регулировании» специальным разделом, в котором были бы прописаны нормы, устанавливающие административную ответственность за нарушение требований технических регламентов, в том числе, в экологической сфере.

Ключевые слова: техническое регулирование, технический регламент, экологическая безопасность, экологизация, гармонизация законодательства.

В процессе общественного развития человек, по объективным причинам, не может не влиять на состояние окружающей среды. Такое влияние проявляется как при непосредственном использовании природных ресурсов (например, при заборе воды, добыче полезных ископаемых), так и при осуществлении выбросов загрязняющих веществ в природную среду, что, к сожалению, неизбежно при нынешнем уровне технического развития. По мнению М.М. Бринчука, с которым трудно не согласиться, в настоящее время основная проблема цивилизационного развития заключается в установлении научно обоснованных пределов таких воздействий, исходя из долгосрочных общественных интересов в сохранении количественных и качественных свойств и характеристик окружающей природной среды [2, с. 121].

Достижению поставленной цели служит техническое регулирование в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Например, в Российской Федерации эти функции исполняет ФЗ «О техническом регулировании», задачей которого является обеспечение безопасности продукции и связанных с ней процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации,

хранения, перевозки, реализации и утилизации [8]. В качестве инструмента технического регулирования широко используется практически во всех странах, хотя и под разными названиями [6].

В экологическом законодательстве существенная роль принадлежит нормативно-техническим актам: как правило, именно они позволяют в конечном счете однозначно оценить, с одной стороны, качество окружающей среды, природных объектов и ресурсов, а с другой – определить возможность и уровень допустимого воздействия на окружающую среду в процессе осуществления хозяйственной и иной деятельности. Подобные акты разрабатывались в советское время в течение длительного периода и содержались в ведомственных нормативных правовых актах и нормативно-технических документах: государственных и отраслевых стандартах (ГОСТах, ОСТах), строительных нормативах и правилах (СНиПах, СП и др.), санитарных нормативах и правилах (САНПиНах, СанП), руководящих документах (РД), методических указаниях (МУ), правилах и проч. Многие из них, принятые еще в 70–80-е гг., дублируют и излишне детализируют технические требования, а также не всегда соответствуют ныне действующему законодательству [7, с. 77].

Активизация международного сотрудничества Донецкой Народной Республики и перспективы вступления в качестве независимого государства или субъекта Российской Федерации (этим объясняется повышенное внимание в настоящей работе к нормативным документам сферы технического регулирования Российской Федерации) в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) предполагают гармонизацию республиканского законодательства с законодательством государств, входящих в ЕАЭС. Одним из важнейших направлений такого сотрудничества является принятие специальных нормативных актов, содержащих обязательные для всех государств ЕАЭС требования к объектам технического регулирования в части специального регулирования вопросов безопасности. Эта функция возлагается на технические регламенты, которые, как правило, разрабатываются на основе специально принятых законов о техническом регулировании.

По мнению И.А. Игнатьевой, последовательное и своевременное решение задач, поставленных Федеральным законом «О техническом регулировании», в части разработки и принятия технических регламентов всегда было особо значимо для процесса реализации законодательства об охране окружающей среды и отдельных ее компонентов. Как известно, в этом законодательстве существенная роль принадлежит нормативно-техническим актам: как правило, именно они позволяют в конечном счете однозначно оценить, с одной стороны, качество окружающей среды, природных объектов и ресурсов, а с другой – определить возможность и

уровень допустимого воздействия на окружающую среду в процессе осуществления хозяйственной и иной деятельности [3, с. 30].

Важным представляется здесь сослаться в части дифференциации сфер регулирования законами «О техническом регулировании» и «Об охране окружающей среды» на вывод И.А. Игнатьевой о том, что Федеральный закон о техническом регулировании предполагает упорядочение технических норм, обязательных к применению. При этом технические регламенты по своей юридической природе и смыслу никак не призваны заменить или продублировать содержание нормативных правовых актов в области охраны окружающей среды. У правовой нормы и требования технического характера *a priori* разная направленность регулирования и они по своей правовой природе взаимосвязаны, но не взаимозаменяемы [4, с. 112].

В контексте обсуждаемого вопроса следует считать обоснованным применения метода экологизации в отношении технического регулирования, как универсального и действенного способа природоохранного регулирования всех общественных отношений [9, с. 17]. Этот инструмент был разработан в доктрине экологического права и позволяет включать природоохранный компонент практически во все механизмы регулирования любой отрасли права, а следовательно, более полно обеспечивать охрану окружающей среды на любом уровне регулирующего воздействия. По своей сути разработка и принятие технических регламентов является разновидностью государственного регулирования в части обеспечения баланса интересов экономического развития и охраны окружающей среды, что свидетельствует на достаточно высокий потенциал для его активной экологизации.

При определении правовой природы технического регулирования А.В. Калмыкова обоснованно относит соответствующие нормативные акты к отрасли административного права, поскольку они представляют правила поведения, устанавливаемые государством в целях регулирования общественных отношений в сфере обеспечения безопасности объектов технического регулирования, а также регулируют общественные отношения, возникающие между субъектом, наделенным властным полномочием и субъектом предпринимательской деятельности; они имеют свои собственные административно-правовые гарантии [5, с. 23].

Технические регламенты принимаются в первую очередь в целях защиты жизни или здоровья граждан, охраны окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений от угроз, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности. Разработка и принятие технических регламентов представляет особое значение для сферы правового регулирования экологических отношений, поскольку основная цель экологического законодательства – обеспечение экологической безопасности

человека, решается путем разработки соответствующих стандартов и нормативов допустимого негативного воздействия на окружающую среду. Закон не допускает принятие технических регламентов в иных целях.

В настоящее время внутригосударственные технические регламенты последовательно заменяются техническими регламентами Таможенного союза, а в перспективе – техническими регламентами ЕАЭС.

Согласно ст. 2 «Соглашения о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации» стороны проводят согласованную политику в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер. Все технические регламенты ЕАЭС (Таможенного союза), а также изменения в них разрабатываются и принимаются в порядке, установленном Положением о порядке разработки, принятия, внесения изменений и отмены технического регламента Таможенного союза, утвержденным Решением Совета ЕЭК от 20 июня 2012 г. № 48. Техническое регулирование представляет собой инструмент преодоления нетарифных барьеров во внешнеэкономической деятельности, способный влиять на экспорт, импорт и конкурентоспособность продукции, создающий единый режим для товаров разных стран посредством установления унифицированных требований безопасности к продукции в рамках ЕАЭС и форм оценки их соответствия, гармонизированных с международными стандартами.

Как отмечалось ранее [1], происходящий в настоящее время процесс становления Донецкой Народной Республики в качестве суверенного государства в естественно-историческом контексте требует формирования соответствующей системы права, в которой правотворчество выступает как завершающий этап правообразования. В Республике происходит активный процесс правотворчества, в том числе и в сфере технического регулирования. Наряду с продолжающимися временно действовать законами Украины приняты законы ДНР: «О защите прав потребителей», «О метрологии и метрологической деятельности», «О государственном регулировании производства и оборота спирта этилового, алкогольной продукции и табачных изделий»; приказы Министерства промышленности и торговли ДНР: «Временный порядок ведения Государственного реестра средств измерительной техники», «О создании научно-технической комиссии по стандартизации» и др. Значительная часть документов находится в настоящее время в стадии разработки, в том числе и Закон ДНР «О техническом регулировании».

В настоящее время уже подготовлен проекта этого важнейшего закона и подучено Заключение Верховного Суда ДНР, который выявил целый ряд неточностей и неурегулированных вопросов, в том числе в сфере административной ответственности за нарушение требований технических регламентов.

Необходимо указать, что как сам проект Закона ДНР «О техническом регулировании», так и сделанное по нему Заключение Верховного Суда ДНР содержат принципиальные ошибки в части определения составов административных правонарушений в сфере технического регулирования, результатом которых является нарушение требований экологической безопасности и создание угроз человеку и окружающей среде. Использовать предписания статей Кодекса об административных правонарушениях, временно действующего на территории ДНР, не представляется возможным по двум причинам. Во-первых, в указанном кодексе отсутствуют статьи, предусматривающие административную ответственность за нанесение вреда окружающей среде и здоровью человека, а во-вторых, использование положений одноименного российского закона «О техническом регулировании» делает логичным использование бланкетных норм именно российского Кодекса об административных правонарушениях.

В качестве примера, свидетельствующего о внимании российского законодателя к вопросу установления мер административной ответственности за нарушения требований технических регламентов, результатом которых стало создание угроз здоровью человека и окружающей среде, приведем ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ «Нарушение изготовителем, исполнителем, продавцом требований технических регламентов», согласно которой в случае причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений либо создавшие угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, на виновных лиц предусмотрено наложение соответствующего правонарушению административного штрафа. Ответственность за аналогичные составы нарушения предусмотрены в целом ряде других норм КоАП РФ.

Отсутствие в системе законодательства Донецкой Народной Республики закона «О техническом регулировании» создает серьезные проблемы не только в сфере международной торговли, в первую очередь с государствами-членами ЕАЭС, но и препятствует принятию уже разработанных регламентов ЕАЭС, что в конечном счете создает угрозы безопасности для граждан ДНР, в том числе и в экологической сфере.

Отмеченное выше дает основание рекомендовать разработчикам Закона ДНР «О техническом регулировании», во-первых, ускорить работу над этим системообразующим законом, являющегося одним из важнейших инструментов формирования государственной политики в части обеспечения инновационного социально-экономического развития нашей республики и гарантирующего безопасность продукции и процессов ее производства и обращения, а во-вторых, в рамках интеграционного процесса с

государствами-членами ЕАЭС начать работы по принятию регламентов ЕАЭС, основной задачей которых является обеспечение безопасности, в том числе в экологической сфере, продукции и услуг для граждан Донецкой Народной Республики.

В рамках правотворческого процесса рекомендуется дополнить Закон ДНР «О техническом регулировании» специальным разделом, в котором были бы прописаны нормы, устанавливающие административную ответственность за нарушение требований технических регламентов, в том числе, результатом которых стало нанесение вреда окружающей среде и создание угроз экологического характера для здоровья и самой жизни человека. Наличие такого специального раздела позволит гармонизировать законодательство ДНР в сфере технического регулирования с законодательством государств, входящим в ЕАЭС.

Список источников

1. Барбашова, Н. В. Активизация правотворчества в Донецкой Народной Республике в сфере административных правонарушений // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. – 2020. – № 2. – С. 10–16.
2. Бринчук, М. М. Экологическое право: учебник / М. М. Бринчук. – 4-е изд. – М.: Эксмо, 2010. – 668 с.
3. Игнатьева, И. А. Технические регламенты с требованиями в области охраны окружающей среды: возможности, проблемы, перспективы / И. А. Игнатьева // Бизнес. Менеджмент. Право. – 2014. – № 1(29). – С. 30–34.
4. Игнатьева, И. А. Технические регламенты с требованиями в области охраны окружающей среды: возможности, проблемы, перспективы / И. А. Игнатьева // Бизнес. Менеджмент. Право. – 2014. – № 2(30). – С. 111–114.
5. Калмыкова, А. В. Техническое регулирование в современных условиях: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.14 – Административное право; административный процесс / А. В. Калмыкова; науч. рук. Л. К. Терещенко. – М., 2020. – 35 с.
6. Крючкова, П. В. Система технического регулирования в Российской Федерации: формирование, возможное и ожидаемое воздействие на конкуренцию и конкурентоспособность / П. В. Крючкова, С. Б. Авдашева. – М.: Гос. ун-т - Высш. шк. экономики, 2009. – 67 с.
7. Петрова, Т. В. Техническое регулирование как часть системы правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды / Т. В. Петрова // Экологическое право. – 2005. – № 1. – С. 77–81.
8. О техническом регулировании: Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрание законодательства РФ. – 30.12.2002. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5140.
9. Шакирова, Д. И. Правовая охрана окружающей среды посредством технических регламентов: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право / Д. И. Шакирова; науч. рук. С. А. Боголюбов. – М., 2018. – 28 с.

Поступила в редакцию 16.12.2020 г.

FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE DPR LAW «ON TECHNICAL REGULATION» IN THE CONTEXT OF ENSURING ENVIRONMENTAL SECURITY

The integration of the DPR into the EAEU presupposes the harmonization of the relevant areas of legal regulation. It is shown that one of the most important areas of such cooperation in security matters is the adoption in the DPR of the Law «On Technical Regulation». This function is assigned to technical regulations, which are adopted primarily in order to protect the life or health of citizens, environmental protection, life or health of animals and plants from threats associated with the implementation of economic activities. It was recommended to supplement the Donetsk People's Republic Law "On Technical Regulation" with a special section, which would spell out the norms establishing administrative responsibility for violation of the requirements of technical regulations, including in the environmental sphere.

Keywords: technical regulation, technical regulations, environmental safety, ecologisation, harmonization of legislation.

Барбашова Наталья Владимировна

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного
и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.barbashova@mail.ru

Barbashova Natalya

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor at the Department of Financial
and Administrative Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: n.barbashova@mail.ru

УДК 339.94(574+575.2)

Бурцев А. И.

СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье проанализированы основные события двухстороннего сотрудничества между Казахстаном и Киргизстаном в 2016–2018 гг. На основании их анализа были выделены специфические особенности их взаимоотношений.

Ключевые слова: Казахстан, Киргизстан, Центральная Азия, внешняя политика.

Центральная Азия – регион, обладающий выгодным геополитическим положением и занимающий важное место в системе международных отношений. Лидером региона является Республика Казахстан. Особое место в его внешней политике принадлежит Кыргызской Республике. Их отношения обладают особой спецификой – длительное, дружеское сотрудничество сменяется кратковременными торговыми войнами. Изучением специфических особенностей казахско-киргизских отношений представляет интерес для исследований. На примере казахской политики по отношению к Кыргызстану можно проследить мероприятия по закреплению лидерских позиций в регионе.

М. Т. Бостонкулова в своих работах подробно рассмотрела встречи и соглашения между руководством Казахстана и Киргизии. На основании этой информации она проанализировала развития двухстороннего сотрудничества в сфере экономики и нормативно-правовую базу, регулирующую отношения в данной отрасли [1]. Б. К. Алымсеитова исследовала товарооборот между Казахстаном и Кыргызстаном. Она уделила внимание влиянию ЕАЭС на развитие экономических отношений между Казахстаном и Кыргызстаном [2]. Важное место в двухсторонних отношениях между этими странами занимает сотрудничество в топливно-энергетической отрасли. Данное направление внешней политики подробно рассмотрел Р. С. Бейсебаев [3].

Цель исследования – выделить специфические черты взаимоотношений Республики Казахстан и Кыргызской Республики на современном этапе.

Начиная с 1991 г. двустороннее сотрудничество Казахстана и Киргизии стабильно расширяется и охватывает ряд отраслей. После вступления

Киргизии в ЕАЭС начался новый этап в их двухсторонних отношениях. Казахстан начал прикладывать усилия, что бы получить выгоду от этого события. 26 декабря 2016 г. в Санкт-Петербурге прошло заседание Высшего Евразийского экономического совета. По его итогам Н. Назарбаев и А. Атамбаев подписали Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Казахстан о развитии экономического сотрудничества в условиях евразийской экономической интеграции и Протокол между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Казахстан о порядке предоставления помощи и контроля за ее использованием и о финансово-техническом содействии. Согласно данным договоренностям Казахстан обещает предоставить Киргизии помощь эквивалентную 100 млн. долларов США. В данных документах подробно прописан порядок предоставления помощи, и указываются органы и структуры, осуществляющие контрольные функции. Согласно Соглашению помощь предоставляется в виде услуги, оборудования, товаров, обучения, денежных средств. В ходе встречи президенты Казахстана и Киргизии обсудили первый транш в размере 7,5 миллионов долларов, предназначенный для обустройства таможенной инфраструктуры и испытательных лабораторий [4].

В 2017 г. важное место в казахско-киргизских отношениях занимал вопрос о регулировании использования водных и энергетических ресурсов. 24 апреля 2017 г. в приграничном селе Кордай состоялась межпарламентская встреча депутатов Казахстана и Киргизстана. На ней обсуждались вопросы вододелия по трансграничным рекам, обеспечение казахских аграриев поливными водами, работа ветеринарного и санитарного контроля на границе. Делегации посетили пропускные пункты «Кордай» и «Ак жол» и ознакомились работой пограничных служб [5].

Центральная Азия – это регион, в котором проживают представители различных конфессий, поэтому подписание меморандума о сотрудничестве в сфере религии стало важным шагом для руководства Казахстана и Киргизии. 28 сентября 2017 г. Министр по делам религий и гражданского общества Казахстана Н. Ермекбаев и директор Государственной комиссии по делам религий Киргизстана З. Эргешов подписали Меморандум о сотрудничестве. Данный документ предусматривает обмен информацией о мероприятиях, проводимых в рамках государственной политики в области религии. Особое внимание в Меморандуме уделяется обмену опытом по ограждению населения от влияния деструктивных религиозных организаций, противодействию распространению радикальных и экстремистских идей. В документе предусмотрены конкретные шаги по развитию теологического образования, обмен литературой, связанной с религиозной деятельностью. Подписание подобного документа свидетельствует о том, что, не смотря на

светский характер государств, религия в их жизни играет важную роль. Вместе с тем, регион подвержен опасности со стороны религиозных фанатиков, и руководство государств, таким образом, пытается защититься [6].

Специфику взаимоотношений Казахстана и Киргизии отлично иллюстрирует конфликт, который произошел между странами осенью 2017 г. В октябре 2017 г. в Кыргызстане прошли очередные президентские выборы, в которых А. Атамбаев не принимал участие в связи с особенностями законодательства. Данные события привлекли внимание казахского руководства, которое заинтересованно в том, что бы победу одержал государственный деятель, чьи взгляды соответствовали интересам Казахстана. В сентябре 2017 г. Н. Назарбаев провел встречу с кандидатом в президенты Кыргызстана О. Бабановым. Глава Казахстана заявил о необходимости расширения двухстороннего сотрудничества и дальнейшего укрепления двухсторонних отношений. Данная встреча вызвала негативную реакцию со стороны Министерства иностранных дел Кыргызстана, которое направило ноту протеста. В ней говорится, что встреча президента Казахстана с О. Бабановым, как вмешательство во внутренние дела Кыргызстана и попытку оказать влияние на предстоящие выборы. По итогам выборов уверенную победу одержал С. Жээнбеков, Н. Назарбаев одним из первых направил ему поздравительную телеграмму. В ней казахский лидер заявил, что отношения между странами будут развиваться успешно. Не смотря на такую реакцию Н. Назарбаева, можно предположить, что победа О. Бабанова была более предпочтительней для руководства Казахстана.

Большой резонанс вызвало выступление А. Атамбаева, в котором он заявил о том, что в Казахстане есть люди, которые поддерживают действия К. Бакиева. На данное высказывание последовала резкая реакция Министерства иностранных дел, выразившего протест и заявившего, что подобные высказывания недопустимы в отношениях между двумя дружественными государствами. 7 октября правительство Казахстана приняло постановление об оказании гуманитарной помощи Кыргызстану, в связи сложными природно-географическими условиями. МЧС Кыргызстана заявило, что благодаря поддержке международных партнеров, республике удалось преодолеть последствия стихийных бедствий, отпала потребность в помощи со стороны Казахстана.

В сложившейся ситуации руководство Казахстана решило продемонстрировать силу, заняло жесткую позицию и начало оказывать давление на Кыргызстан. Пограничная служба Казахстана начала проведение дополнительных мер по недопущению проникновения на территорию страны преступных элементов. В результате чего на пропускных пунктах с Киргизией возникли очереди. Официальная версия, озвученная КНБ

Казахстана, провозглашала, что усиленный режим связан с возможными беспорядками в день выборов в Кыргызстане. Можно предположить, что основным мотивом ужесточения пограничного контроля является желания руководства Казахстана продемонстрировать свою силу. С 10 октября на границе с Кыргызстаном был введен усиленный ветеринарный контроль, направленный на борьбу с контрабандным и некачественным товаром. Результат последовал незамедлительно, уже к 16 октября 100 тонн продукции из Киргизии не прошли фитосанитарную проверку. В этот же день был запрет на поставку молочной продукции в Казахстан для 5 киргизских предприятий. По заявлению Министерства сельского хозяйства, данное решение продиктовано нарушениями, выявленными в ходе мониторинга ввозимой продукции. В отношении еще двух киргизских молокоперерабатывающих предприятий введен усиленный лабораторный контроль [7].

15 октября А. Атамбаев, заявил, что потребует созыва саммита ЕАЭС, в случае, если Казахстан не отменит усиленные меры на границе с Киргизией. 17 октября министр иностранных дел Казахстана К. Абдраханов заявил, что усиление контроля на границе отвечает интересам ЕАЭС и повышенные санитарный и ветеринарный контроль отвечают интересам всех участников данной организации. Он выразил уважение к волеизъявлению киргизского народа, и подтвердил приверженность к дальнейшему укреплению дружеских отношений между странами. 17 октября власти Киргизии направили в ВТО обращение, в котором говорится, что действия Казахстана нарушают ряд ключевых норм Генерального соглашения по тарифам и торговле. Так же, министерство экономики Киргизии обратилось в Евразийскую экономическую комиссию с жалобой на проблемы на казахско-киргизской границе. По словам министра национальной экономики Казахстана Т. Сулейманова, государство не нарушало ни какие международные договора и законными методами защищает свои интересы. Он заявил, что Кыргызстан имеет право обратиться в международные организации, но при этом более эффективным был бы поиск компромисса.

18 октября в Астану для переговоров с главой правительства Казахстана Б. Сагинтаевым прибыла киргизская делегация во главе с премьер-министром С. Исаковым. По итогам встречи стороны договорились об упрощении пересечения границы для физических лиц с личным багажом, рейсовых автобусов, порожних автомобилей. Принято решение о создании рабочей группы для разработки «дорожной карты» во вопросам двустороннего экономического сотрудничества.

Премьер-министр Казахстана Б. Сагинтаев 25 октября 2017 г. во время заседания Евразийского межправительственного совета, в свое выступление затронул конфликт с Киргизией. По его словам ситуация на границе, связанна

с тем, что с территории Кыргызстана идет большое количество контрабанды, наносящей ущерб Казахстану и другим странам ЕАЭС. Б. Сагинтаев утверждает, что данная ситуация связана с неудовлетворительной работой киргизских таможенных служб. Его выступление прокомментировал министр экономики Киргизии А. Новиков, заявивший, что проблемы с контрабандой существуют и в Казахстане. По его словам казахская сторона казахская сторона заняла бескомпромиссную позицию и после пятидневных переговоров в Астане, проинформировала руководство Киргизии о том, что даже после подписания «дородной карты», граница не будет открыта. Премьер-министр Кыргызстана С. Исаков расценил действия Казахстана, как попытку нанести вред евразийской интеграции и выразил надежду, что вопрос будет решен в быстрые сроки.

17 октября вице-министр национальной экономики Казахстана С. Жумангарин заявил, что ограничить экспорт угля в отопительный период. В связи с тем, что на киргизских ТЭЦ используется, в том, числе казахский уголь, данное решение вызвало опасения со стороны Кыргызстана. Не смотря на то, что договор о поставках топлива был заключен до октября 2017 г., в середине месяца возникли перебои с поставкой казахского угля в Кыргызстан.

В октябре 2017 г. правительство направило в парламент Кыргызстана законопроект о денонсации соглашения с Казахстаном о предоставлении 100 млн. для евразийской интеграции. Киргизская сторона заявила, что большее не нуждается в данных средствах, в связи с тем, что улучшение таможенной инфраструктуры было профинансировано из бюджета. В ноябре парламент Кыргызстана одобрил данный закон, после чего он был подписан А. Атамбаевым. Следует обратить внимание на достаточно резкую реакцию казахской стороны на данное решение, в парламенте республики было заявлено, что в Казахстане есть сферы, на развитие, которых можно потратить данные средства.

02 ноября председатель Комитета госдоходов Министерства финансов Казахстана Г. Амрин заявил, что Кыргызстан не дал официального ответа на предложение устранить недочеты в работе таможенной службы. По его словам, в случае если такой ответ не последует, Казахстан продолжит усиливать контроль на границе. Он выдвинул ряд экономических требований к Кыргызстану: установить одинаковую стоимость товаров для обеих стран, уравнивать налоги, организовать совместную работу на таможне, наладить обмен информацией. 03 ноября на заседании Совета глав правительств СНГ С. Исаков обвинил Казахстан в «создании искусственных барьеров». В ответ на его высказывание, Б. Сагинтаев заявил, что Казахстан действует в соответствии с идеологией ЕАЭС и по-прежнему надеется на конструктивный диалог с Кыргызстаном. 10 ноября на заседание ВТО

рассмотрена жалоба Кыргызстана на действия Казахстана. Киргизская сторона, со ссылкой на МВФ сообщила, что экономические потери от усиленного контроля на границе составили более 200 млн. долларов. В тот же день, казахская сторона ограничила ввоз мясной, молочной, кондитерской продукции для четырех производителей из Кыргызстана.

К еще большему обострению отношений между Казахстаном и Кыргызстаном привело выступление А. Атамбаева на итоговой пресс-конференции в Бишкеке 20 ноября 2017 г. Сложившаяся ситуацию он назвал блокадой и по его словам, не желает о том, что преподал Казахстану урок. А. Атамбаев в своем выступлении обрушился с резкой критикой на Н. Назарбаева и заявил, что Казахстану нужны перемены в политике. Данная пресс-конференция примечательна. Она наглядно демонстрирует, что кризис в отношениях между Казахстаном и Кыргызстаном обусловлен не только конфликтом интересов, но и стремлением А. Атамбаева перед уходом с поста, заработать политический аворитет.

Поворотной точкой в конфликте между Казахстаном и Кыргызстаном стала встреча Н. Назарбаева и С. Жээнбекова в Минске, прошедшая 30 ноября 2017 г. Главы государств договорились об открытии границе и установлении тройного контроля, в котором примут участие Казахстан, Кыргызстан и представители ЕАЭС. Достигнута договоренность о разработке рабочей группой «дорожной карты» по урегулированию ситуации на границе. По итогам встречи уполномоченных органов Казахстана и Кыргызстана, осуществленной 02 декабря в Астане, была подписана «дорожная карта». Данный документ состоит из 8 разделов и содержит мероприятия в сферах международной торговли, таможенного дела, налоговой администрации, ветеринарии. После подписания «дорожной карты» усиленный пограничный контроль был отменен и пограничные службы перешли на повседневный режим работы. 06 декабря, по инициативе киргизской стороны, состоялся телефонный разговор Н. Назарбаева и С. Жээнбекова. Главы государств выразили свое удовлетворение, в связи с нормализацией ситуации на границе.

Дальнейшая нормализация отношений между Казахстаном и Кыргызстаном, связанна с официальным визитом С. Жээнбекова в Астану в конце декабря 2017 г. Н. Назарбаев подтвердил свою готовность решать любые вопросы и заявил, что за годы своего президентства ни когда не предпринимал действия во вред Кыргызстану. По словам президента Казахстана, между странами отсутствуют проблемы, которые невозможно решить. Он отметил, что рассматривает Кыргызстан в качестве стратегического партнера и выразил уверенность, что визит С. Жээнбекова откроет новые горизонты в отношениях двух стран. Глава Кыргызстана в своей речи отметил политический вес Н. Назарбаева в Центральной Азии и заявил о своей готовности укреплять

стратегические связи. В ходе переговоров рассмотрены сотрудничества в экономике, водно-энергетической сфере, перспективы совместного использования цифровых технологий. Особое внимание главы государств уделили развитию торговли и опередили в качестве цели увеличение товарооборота до 1 млрд долларов к 2020 г. Н. Назарбаев обратил внимание, что Казахстан является одним из крупнейших инвесторов кыргызской экономики. По его мнению важно создать в стране благоприятные условия для инвесторов, и создать совместный деловой совет. На эти слова Н. Назрабева, следует обратить внимание, так как они наглядно иллюстрируют интересы, которыми обладает Казахстан в Кыргызстане. По итогам визита подписаны Совместное заявление глав государств, а также Договор между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой о демаркации казахско-киргизской государственной границы, Соглашение о режиме казахско-киргизской государственной границы [8].

В последнее время активно развивается сотрудничество Казахстана и Киргизии в аэрокосмической отрасли. В феврале 2018 г. прошел визит делегации Министерства оборонной и аэрокосмической промышленности Казахстана в Бишкек. Стороны обсудили использование космической и спутниковой связи, дистанционного зондирования, систем прогнозирования потенциально опасных природных явлений. Казахская делегация выступила с предложением об объединении усилий по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, обмену информацией и опытом, организации совместной подготовки кадров для космической деятельности. Они уделили особое внимание развитию межзаводской кооперации, организации поставок военной продукции. Представители Казахстана предложили своим киргизским коллегам продукцию оборонных предприятий и различные услуги по ремонту и обслуживанию авиатехники. По мнению главы казахской делегации с Б. Атамкулова, есть возможности для поставки в Кыргызстан различной военной продукции, в частности специальной обуви, вертолетов и т.д. Стороны заявили о своем стремлении расширить сотрудничество в области военной промышленности. Данное мероприятие наглядно демонстрирует, что Казахстан не только стремится к дальнейшему развитию своей космической промышленности, но и желает привлечь к данному процессу своих соседей по региону [9].

Интересным примером сотрудничества Казахстана и Кыргызстана является подписание между ОАО «Государственная ипотечная компания» и АО «Жилстройсбербанк Казахстана» Меморандума о сотрудничестве в сфере государственной ипотеки. Данное соглашение направлено на развитие рынка и обмен опытом между государствами, становление и совершенствование жилищного строительства. Необходимо понимать, что подобное сотрудничество охватывает не только экономическую сферу, но и

социальную. Проявлением сотрудничества в экономической отрасли является работа казахско-кыргызского делового совета, первое заседание которого прошло в Бишкеке 3 октября 2018 г. Участники мероприятия отметили устойчивые экономические контакты между странами, активное политическое сотрудничество и выразили заинтересованность в увеличении товарооборота между Казахстаном и Кыргызстаном. Казахская сторона заявила о стремлении сотрудничеству в водно-энергетической сфере, горнодобывающей промышленности, сельском хозяйстве, туризме, транспорте и коммуникациях. Кыргызстан заинтересован в инвестициях в сельское хозяйство с дальнейшим экспортом продукции в странах ЕАЭС и в реализации проектов по добыче полезных ископаемых. По итогам мероприятия были подписаны несколько контрактов [10].

Проанализировав двустороннее сотрудничество Казахстана и Киргизии, можно сделать следующие выводы.

– Киргизия занимает важное место во внешней политике Республики Казахстан.

– Двухсторонние отношения между ними, отличаются высокой интенсивностью и имеют устойчивый характер.

– Сотрудничество между Казахстаном и Кыргызстаном развивается в различных отраслях: экономической, военной, политической, топливно-энергетической и т.д.

– По отношению к Кыргызстану Казахстан занимает доминирующее положение.

– Казахстан оказывает давление и использует жесткие методы для сохранения доминирующего положения.

Список источников

1. Бостонкулова, М. Т. Политико-дипломатические взаимоотношения Кыргызстана и Казахстана в сфере экономики / М. Т. Бостонкулова // В сборнике: В мире научных открытий Материалы XVII Международной научно-практической конференции. – Центр научной мысли. – 2015. – С. 101–105.
2. Алымсеитова, Б. К. Перспективы внешнеторгового оборота Кыргызстана – Казахстана в условиях в ЕАЭС / Б. К. Алымсеитова // Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университетинин кабарлары. – 2016. – № 2(36). – С. 182–186.
3. Бейсебаев, Р. С. Проблемы топливно-энергетического сотрудничества Кыргызстана и Казахстана на евразийском пространстве / Р. С. Бейсебаев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 50. – С. 53–57.
4. Казахстан выделит Кыргызстану 7,5 млн долларов на обустройство таможни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4836898-kazakhstan-vydelit-kyrgyzstanu-75-mln.html> (дата обращения: 15.10.2019). – Загл. с экрана.
5. Парламентарии Казахстана и Кыргызстана провели встречу в Кордае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4855594-parlamentarii-kazahstana-i-kyrgyzstana.html> (дата обращения: 15.10.2019). – Загл. с экрана.

6. Казахстан и Кыргызстан подписали меморандум о сотрудничестве по вопросам религии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ic24.kz/news/kazakhstan-i-kyrgyzstan-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve-po-voprosam-religii-u27068> (дата обращения: 15.10.2019). – Загл. с экрана.
7. Казахстан не пустил через границу более 100 тонн киргизской продукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20171016/1506901113.html> (дата обращения: 15.10.2019). – Загл. с экрана.
8. Между Кыргызстаном и Казахстаном нет проблем, которые невозможно решить – Назарбаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/mezhdu-kyrgyzstanom-i-kazahstanom-net-problem-kotorye-nevozmozhno-reshit-nazarbaev.html> (дата обращения: 15.10.2019). – Загл. с экрана.
9. Представители Кыргызстана и Казахстана обсудили сотрудничество в сфере использования спутниковой связи для прогнозирования опасных природных процессов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.for.kg/news-469947-ru.html> (дата обращения: 15.10.2019). – Загл. с экрана.
10. Казахстан и Кыргызстан заинтересованы в углублении торгово-экономического сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenta.inform.kz/ru/kazakhstan-i-kyrgyzstan-zainteresovany-v-uglublenii-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva_a3409022 (дата обращения: 15.10.2019). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 11.01.2021 г.

SPECIFIC RELATIONSHIP OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE KYRGIZ REPUBLIC AT THE PRESENT STAGE

The article analyzes the main events of bilateral cooperation between Kazakhstan and Kyrgyzstan in 2016–2018. Based on their analysis, specific features of their relationship were identified.

Keywords: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Central Asia, foreign policy.

Бурцев Александр Иванович

ассистент кафедры правовых и
политических наук

ГО ВПО «Донецкий национальный
университет экономики и торговли им.
М.И. Туган-Барановского»

ДНР, г. Донецк

E-mail: alex.byr.251091@gmail.com

Burtsev Alexander

Assistant at the Department of Legal and
Political Sciences of Donetsk National
University of Economics and Trade named
after M.I.Tugan-Baranovsky

DPR, Donetsk

E-mail: alex.byr.251091@gmail.com

УДК 34.01(470)

Герасименко Ю. В.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассмотрен вопрос идеологической основы евразийской интеграции. Определены формы взаимодействия государственно-правовых систем в процессе глобализации и интеграционные тенденции в государственно-правовой сфере. В статье предпринята попытка анализа проблемы определения общих фундаментальных ценностей как идеологической основы евразийской интеграции.

Ключевые слова: правовая идеология, глобализация, евразийская интеграция, культурно-правовые ценности, интеграция, право, правосознание.

Глобализация – объективный процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции. Великие достижения цивилизации, как правило, возникали при взаимодействии разных культурных традиций. «Греческое чудо» появилось в результате взаимодействия античных традиций с восточными культурами. Греческая математика возникла как результат интеграции античной философии и логики с достижениями математики Египта и Вавилона. Значительные изменения европейской культуры в эпоху Возрождения и последующих эпох Реформации и Просвещения стали результатом встречи достижений христианской культуры с культурой античного мира. В настоящее время глобализация определяет новые перспективы взаимодействия различных сфер жизни человечества. Сейчас на наших глазах происходит лавинообразная интенсификация глобализационных тенденций, и остановить этот процесс не представляется возможным. От того, как будет протекать эта интеграция, зависят судьбы цивилизаций.

Результатом глобализационных процессов на постсоветском пространстве стало появление Евразийского экономического союза. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) был создан с целью всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик, а также с целью создания условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения [1].

Евразийская интеграция является не только необратимым, но и необходимым процессом, поскольку призвана решать различные

экономические, политические, социальные проблемы, возникающие в процессе развития и функционирования государств. Именно поэтому проблема интеграции нашего государства в Евразийское экономическое пространство приобретает первостепенное значение. Для эффективной интеграции в единое экономическое пространство необходима не только экономическая основа и законодательная база, но и идеологическая мотивация, способная сплотить и мобилизовать общество.

Целью исследования является попытка осмыслить культурно-правовые ценности как идеологическую основу евразийской интеграции.

Большинство ученых, изучающих проблему глобализации, сходятся во мнении, что это длящийся процесс, а не статичное явление.

Термин «глобализация» введен для описания транснационального характера экономики и информационной сферы, которые как бы нивелировали, сделали незаметными границы государств. Несомненно, наряду с негативными сторонами, глобализация имеет и неоспоримые преимущества для развития экономики государств, переживающих технологически-информационную революцию.

Термин «глобализация» употребляется в нескольких значениях. Так, например, по определению А. Н. Уткина «глобализация – это слияние национальных экономик в единую общемировую систему» [2, с. 28].

Следует отметить, что первоначально именно экономический аспект глобализации стал предметом исследования многих специалистов. В научный оборот термин вошел благодаря работам французских и американских ученых (Д. Медоуз, Г. Модельски). Сейчас все большее распространение получает широкая трактовка термина, поскольку не все ученые акцентируют внимание только на экономическом характере глобализации. Так, например В. Б. Исаков, рассматривая глобализацию в широком смысле отмечает, что «глобализация – современный этап международной интеграции государств в сфере права, экономики, политики, экологии, информации и культуры, отличающийся новыми формами и особой интенсивностью» [3, с. 628].

На наш взгляд, интересное определение процессу глобализации дал Э. Гидденс. В своих работах ученый под глобализацией понимает «интенсификацию всемирных отношений, связывающих отдаленные друг от друга места таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за многие мили от сюда, и наоборот» [4, с. 436].

В сущности, речь идет о взаимопроникновении, взаимосвязи и взаимодействии абсолютно всех областей жизни человека. Интеграционные процессы объединяют государства и нации в единую открытую финансово-экономическую, общественно-политическую и информационно-культурную систему.

Современная глобализация выросла из процессов модернизации, которые начались достаточно давно. Они были связаны с заимствованием западных технологий традиционалистскими обществами.

Сегодня, говоря о глобализации, как правило, имеют ввиду взаимодействие стран разного цивилизационного типа: традиционных (мусульманские страны) техногенных (западные страны) и стран переходного типа (Россия, Китай, Индия, ряд стран Латинской Америки).

Современные отечественные ученые по-разному оценивают перспективы развития государства и права в условиях глобализационных изменений. Единой позиции по этому вопросу не существует, но многие авторы соглашаются с тем, что интеграция не должна наносить урон национальным интересам и разрушать фундаментальные институты государственно-правового строя. Государство должно сохранить все свои основные функции, обеспечивающие законность и правопорядок, реализацию прав и свобод человека и гражданина, а также безопасность и территориальную целостность страны.

Рассматривая проблему интеграции государств в единое пространство, нельзя оставить без внимания вопрос о формах взаимодействия государственно-правовых систем.

Так, например профессор В. Б. Исаков выделяет следующие формы взаимодействия правовых систем.

Конвергенция правовых систем – процесс возникновения похожих явлений в правовых системах различных государств.

Ассимиляция правовых систем – это слияние правовых систем, которое характеризуется утратой одной из них своих характерных признаков. Ассимиляция часто сопровождается утратой традиционных государственно-правовых институтов и трансформацией правосознания. Представляется возможным говорить о поглощении одной правовой системы другой, доминирующей системой.

Интеграция правовых систем – это процесс, при котором происходит взаимопроникновение правовых систем с сохранением наиболее важных для достижения целей интеграции элементов. Такой процесс объединения считается возможным при «условии высокого уровня правовой культуры, открытости общества, нацеленности общественного сознания на социокультурное общение с внешним миром» [3, с. 636].

Внимание ученых и политиков чаще всего обращено к экономическому аспекту интеграции, в то время, как идеологическая основа до сих пор не получила широкого обсуждения.

Идеология – это конкретная цель развития общества, которая определяет вектор движения государств (государственных союзов). Без идеологии государство или государственные объединения не имеют каркаса, а поэтому

обречены на распад. Нельзя не согласиться с мнением В. Б. Исакова о том, что эффективная интеграция государств возможна лишь при условии высокого уровня правовой культуры и направленности общественного сознания на открытое общение с внешним миром [3, с. 636].

Очевидно, что вопрос идеологической основы евразийской интеграции нуждается в дальнейшем научном развитии.

У истоков евразийской идеи стояли такие известные ученые как Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, П. Н. Савицкий, Л. Н. Гумилев.

Известный русский философ Н. С. Трубецкой, размышляя о дальнейшем развитии советской России, в своих трудах обосновал необходимость последующего объединения постсоветских государств в Евразийский союз на основании исторической общности народов, проживающих на этой территории. Ученый отмечал, что основой нового объединения станет понимание общих интересов на основе многовековой истории и опыта совместной жизни в рамках единой государственности [5, с. 161].

Академик В. Степин в своей монографии «Цивилизация и культура» также акцентирует внимание на уникальной особенности российской культурной традиции, которая позволяет подготовить условия для альтернативной глобализации. Так, автор указывает, что в России «идеалы индивидуализма не занимали того приоритетного положения, которое было характерно для системы ценностей западной техногенной культуры» [6, с. 322]. В своей книге автор приводит высказывания Н. Бердяева, который отмечал, что русскому человеку всегда был присущ идеал соборности, но при этом соборность принципиально отличается от коммунальности, то есть такого состояния коллективной жизни, которая подчинена внешнему принуждению. Соборность же предполагает объединение людей, исходя из внутренних побуждений, объединенных общей целью и общим делом. Но вместе с тем, она содержит в себе ценности толерантности, открытости, единения, что обретает особый смысл в современных условиях глобализации и интенсивного диалога культур [6, с. 322].

Евразийская интеграция не может происходить вне правотворчества, поскольку правовые нормы выступают основным регулятором межгосударственных отношений.

В ходе правотворческого процесса именно правовая идеология выступает средством формирования правовой действительности. Правовая идеология – это систематизированное научное выражение правовых взглядов, требований, идей общества, социальной группы. Формирование правовой идеологии осуществляется как процесс теоретического осознания интересов, целей и задач общества и государства [7, с. 337].

Правовая идеология должна нести в себе духовные, гуманные возможности, быть ориентированной на основные общечеловеческие

ценности, создавать необходимые условия для содействия реализации их прав и свобод. Правовая идеология должна отображать прогрессивные идейные взгляды своей эпохи, основываясь на традиционных для данного общества ценностях, вбирая в себя исторический и духовный опыт прошлых поколений.

Проблема определения общих фундаментальных ценностей имеет первостепенное значение для дальнейшей евразийской интеграции.

Считаем, что идеологическую основу евразийской интеграции должны составить следующие базовые ценности:

- во-первых, идея солидарности – Евразийский экономический союз может противопоставить современному миру, построенному на конкуренции идею солидарного общества, где союзные государства являются не конкурентами, а равноправными партнерами;

- во-вторых, верховенство духовных ценностей, состоящее в приоритете абсолютных ценностей (честь, справедливость, совесть, патриотизм, достоинство) над материальными благами;

- в-третьих, единое экономическое пространство – евразийская интеграция должна стать взаимовыгодным проектом для всех стран-участниц с целью повышения благосостояния граждан, обеспечения свободы передвижения товаров, услуг, рабочей силы, капитала, предприятий на всей территории Евразийского экономического союза;

- в-четвертых, культурное многообразие, т.е. культурный плюрализм – не только сохранение и развитие национального и религиозного плюрализма, основанного на традиционных ценностях, но и безусловное соблюдение верховенства национального суверенитета государств-членов ЕАЭС [8].

Следует признать, что глобализация – объективный и закономерный процесс развития человечества, который не может быть отменен. Но это не снимает вопрос о негативных аспектах интеграции государств в единое политико-правовое и социально-культурное пространство. Ведь современная глобализация по западному типу – это победа над национальными интересами отдельных государств, поскольку этот процесс сузил национальные возможности влияния на экономику.

Западный тип современной глобализации делит государства на два лагеря: страны – лидеры и страны – аутсайдеры, причем, экономический разрыв между этими группами стремительно нарастает. А значит, у стран, которые успешно вошли в глобализационный процесс возникают экономические, информационные и технологические преимущества.

Проблема вхождения в глобальный мир – это новый вызов современному обществу, новый вопрос о прогрессе. Россия не может остаться в стороне этого процесса, поэтому назревает необходимость концептуального осмысления и теоретической разработки альтернативной интеграционной

модели. В условиях, когда цели стран «золотого миллиарда» и развивающихся стран диаметрально противоположны, слабые страны могут противостоять процессу всемирной вестернизации. Считаем, что достойным ответом на современный вызов должен стать проект евразийской интеграции.

У России в этом отношении есть неоспоримые преимущества перед другими странами, т. к. исторически сложилось так, что становление и развитие русского государства было связано с переносом опыта западной цивилизации и соответствующих ей культурных норм и ценностей на российскую почву. Взаимодействие норм и ценностей различных культур в России неизбежно приводило к видоизменению традиционных ценностей.

На наш взгляд, проект Евразийского экономического союза должен стать альтернативным проектом по отношению к западному глобализационному процессу. Гармонизировать межгосударственные отношения в новой многонациональной евразийской семье призваны единые фундаментальные культурно-правовые ценности, воплощенные в идеологическом аспекте евразийской интеграции.

Список источников

1. Евразийский экономический союз. Цели и история создания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cyclopedia.ifcg.ru/wiki> (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.
2. Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление / А. и. Уткин // Свободная мысль—XXI. – 2000. – № 11. – С. 28–38.
3. Исаков, В. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 656 с.
4. Гидденс, Э. Навстречу глобальному веку / Э. Гидденс // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 436–437.
5. Маслин, М. А. У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» / М. А. Маслин // Философский журнал/Philosophy Journal. – 2019. – Т. 12. – № 4. – С. 161178.
6. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
7. Марченко, М. Н. Теория государства и права / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект: Изд-во Московского ун-та, 2018. – 636 с.
8. Большая Евразия Принципы евразийской интеграции в исторической перспективе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/> 33611 (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 31.01.2021 г.

TO THE QUESTION OF FORMATION OF LEGAL IDEOLOGY IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION

The article considers the issue of the ideological basis of the Eurasian integration. The forms of interaction of state-legal systems in the process of globalization and integration trends

in the state-legal sphere are determined. The article attempts to analyze the problem of defining common fundamental values as a factor of effective Eurasian integration.

Keywords: legal ideology, globalization, Eurasian integration, cultural and legal values, integration, legal awareness.

Герасименко Юлия Вячеславовна

старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: iuliatr@yandex.ru

Gerasimenko Yulia

senior Lecturer at the Department of
Theory
and History of State and Law of Donetsk
national university
DPR, Donetsk
E-mail: iuliatr@yandex.ru

УДК 351

Каблов Д. С.
Федосеева Я. О.

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗРАБОТКИ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ СОВЕРШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье с деонтологической точки зрения рассмотрены особенности мер по предупреждению совершения должностных преступлений. Предпринята попытка на теоретическом уровне выработать соответствующие меры, которые будут ориентированы на предупреждение совершения указанной категории преступлений государственными служащими. Предложенные авторские меры требуются в соответствующей апробации на законодательном уровне.

Ключевые слова: должностное лицо; государственный служащий; преступление; ответственность; должностное преступление.

Совершение должностных преступлений в современном правовом государстве делает его нестабильным. Такое положение обусловлено тем, что институт государственной службы занимает значимое положение в государстве.

Обращаясь к многовековой истории построения и становления государства можно утверждать, что ни одно цивилизованное государство не может эффективно функционировать без профессионального аппарата государственной службы. Как результат, применение мер по предупреждению совершения данной категорий преступлений сделает управление государством более эффективным.

Стоит отметить, что отличительной чертой преступлений против государственной службы является оперативное и всестороннее реагирование государства в лице правоохранительных органов на совершение определенных деяний.

Всесторонней разработкой теоретической базы по данной теме научного исследования занимаются ученые в области правоведения, социологии, науки управления, психологии, деонтологии и другие. Теоретическую базу исследования составляют труды таких ученых как В. Воронцова, А. В. Майоров, М. Т. Оздоев, В. В. Шекунова, Л. М. Яблонская, а также ряд других.

© Каблов Д. С., Федосеева Я. О., 2021

Тем самым, выявление мер по предупреждению совершения должностных преступлений в рамках института государственной службы ДНР является одним из приоритетных направлений государственного строительства и проводится в целях повышения развития гражданского общества и укрепления правового государства соответственно.

Исходя из актуальности выбранной темы для научного исследования целью данной работы является определение на основе системного подхода мер по предупреждению совершения должностных преступлений на государственной службе в ДНР. Разработка мер планируется исходя из деонтологических особенностей прохождения государственной службы на территории ДНР.

В результате необходимо определить направления и предложения по формированию и совершенствованию отечественного законодательства, регламентирующего общественные отношения на государственной службе.

На сегодняшний день, лицо, занимающее должность на государственной службе считается не только субъектами современных изменений в обществе, но и объектами пристального внимания, как со стороны государства, так и со стороны самих граждан.

Традиционно, должностное лицо за совершение того или иного противоправного деяния можно привлечь к дисциплинарной, административной, гражданско-правовой, материальной и уголовной ответственности. Представляется целесообразным рассмотреть особенности привлечения государственного служащего именно к уголовной ответственности, поскольку она представляет наиболее суровую меру наказания за совершение тех или иных преступлений.

Определение должностных преступлений имеет легальное закрепление, то есть отражено в действующем законодательстве ДНР. Так, в соответствии с пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда ДНР №16 от 17.11.2017 года под должностными следует считать преступления, возможность совершения которых обусловлена наличием у лица прав и возможностей, которыми это лицо наделено в связи со своим служебным положением, а именно – в связи с его пребыванием на определенной должности, связанной с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций [1].

Необходимо согласиться с мнением А. В. Бриллиантова, который утверждает, что особенностью должностных преступлений является то, что их совершение становится возможным лишь благодаря занимаемой должности [2, с. 803].

Более того, стоит обратить внимание на этимологию самого понятия, что также имеет значение в исследовании. Так, этимология термина «преступление» (англ. crime, франц. lecrime, нем. Verbrecher, исп. delitos и

т. д.) характеризуется в литературе как «выход за кон, какие-либо границы, пределы».

Анализируя этимологию понятия, становится очевидным тот факт, что непосредственно с происхождением данного понятия начинается появление взглядов на преступление как на некоторого рода нарушение (воли, закона, права в субъективном и объективном смысле) [3, с. 147].

Законодательная база ДНР находится на этапе формирования, что прямым образом влияет на соблюдение законности, прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому интересы государства в подобного рода вопросах возлагаются непосредственно на всех государственных служащих.

Выполнение надлежащим образом своих профессиональных обязанностей лицами, занимающими государственные должности в ДНР, выступает важнейшим инструментом, при помощи которого обеспечиваются реализация законности и правопорядка в гражданском обществе [2, с. 802].

В таком случае, должностные преступления определены как преступления, посягающие на нормальную деятельность государственного или муниципального аппарата, если налицо сочетание двух признаков: виновный является должностным лицом, а совершенные им общественно опасные действия (бездействие) связаны с его служебным положением [4, с. 45].

Общественная опасность преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления заключается в том, что эти преступления совершаются лицами, на которых возложена обязанность по поводу соблюдения закона. Представляется целесообразным разработать некоторые меры предупреждения совершения должностных преступлений.

В первую очередь, для повышения эффективности мер предупреждения совершения должностными лицами преступлений целесообразно совершенствование правового обеспечения деятельности соответствующих лиц. В таком случае, лица, которые в своей профессиональной деятельности осуществляют функции представителя власти или занимают государственные должности – выполняют предписания законодательных актов [3, с. 11].

Кроме того, объектом исследования деонтологии является институт государственной службы, деятельность и поведение его сотрудников. Главное предназначение государственной службы заключается в удовлетворении фундаментальных потребностей населения страны, общества.

Стоит отметить, что, по мнению Л. М. Яблонской деонтология отвечает на вопросы: какой должна быть государственная служба? какие средства, приемы и способы она должна использовать, чтобы удовлетворять потребности людей в правовом социально ориентированном государстве, где человек является высшей ценностью? каким образом создать достойные

условия для жизнедеятельности и личностной реализации людей? каким должен быть государственный служащий? какими личностными качествами он должен обладать? какими ценностями руководствоваться? каким нормам и правилам поведения следовать? [6, с. 88].

В отношении совершенствования институт государственной службы ДНР деонтология и ее соответствующее применение способствует воздействию на повышение уровня нравственности и эффективности работы государственных служащих в современных реалиях.

Как результат, достижение наибольшей эффективности всевозможных правовых средств, которые направлены на систематическую борьбу с совершаемыми должностными преступлениями, достигается совершенствованием самих общественных отношений, регулируемых правовыми нормами.

В рамках настоящего исследования, необходимо согласиться с мнением французского ученого Адольфа Кетле, который в результате своих научных исследований пришел к фундаментальному выводу о том, что все совершаемые в обществе преступления представляет собой единое явление.

В свою очередь, такое явление систематически развивается по определенным законам, поэтому попытка избавиться от преступности, только наказывая нарушителей, обречена на провал. В таком случае, стоит обратить внимание, что необходимо выявлять законы развития преступности в обществе, а также те факторы, которые влияют на рост или уменьшение преступности.

Кроме того, Кетле установил факты, которые приводят человека к преступлению (теория фактов): среда, в которой человек живет; семейные отношения, религию, в которой он воспитан; обязанности социального положения.

Несомненно, что указанные критерии являются универсальными и подходят, как для гражданина, так и должностного лица. Применительно к государственной службе стоит сказать, что совершение должностных преступлений обусловлено низкой правовой культурой самого лица. Также здесь играет фактор морали и нравственности во время выполнения должностных обязанностей.

Современные требования к государственной службе ДНР берут свое начало из критериев создания демократического, правового, а главное социального государства, гармонично взаимодействующего с гражданским обществом. Также, важное место, здесь занимает социальное и правовое положение, которое госслужащие занимают в механизме осуществления государственной власти. В соответствии со своим статусом они должны достойно исполнять служебные обязанности, служа не только государству, но и гражданам ДНР.

Итак, в данной категории дел имеется отличительный признак, а именно то, что присутствует обязательный и специальный субъект. Такое лицо наделено определенными полномочиями и обязанностями, при этом совершаемое им деяние направлено против интересов государства и имеет умышленную форму вины. Более того, главным признаком такого деяния является причинение вреда государственным органам [4, с. 42].

О должностных преступлениях речь может идти только в том случае, если субъект деяния наделен специальным правовым статусом, определенной правосубъектностью, то есть имеет специальные юридические права, свободы, обязанности и законные интересы, осуществляет их самостоятельно и отвечает за их неправомерную реализацию.

Более того, описываемая личность субъекта должностных преступлений, состоящая из психических и функционально-служебных направлений, образует сложную систему макрохарактеристики человека, когда названные два направления – психика человека и его профессиональные функциональные свойства – по-разному взаимодействуют друг с другом [7, с. 73].

Мерой предупреждения совершения должностных преступлений будет выступать развитие превенции, направленной на предотвращение злоупотребления своими полномочиями должностными лицами.

В рамках анализа мер по поводу предупреждения совершения должностных преступлений представляется целесообразным в правовой системе ДНР разработать Деонтологический кодекс основ государственной службы.

Деонтологический кодекс основ государственной службы будет содержать нормы этико-деонтологической направленности, а также отражать особенности культуры профессиональной деятельности государственных служащих. Принятие органом законодательной власти соответствующего нормативного правового акта и его применение на практике будет способствовать систематическому формированию строгих норм поведения государственных служащих [4, с. 38].

В таком случае можно будет говорить о наличии, а главное применении соответствующих мер для предупреждения совершения должностных преступлений. Как и любая другая область социального управления, предупреждение совершения преступности должно отвечать принципам законности, демократизма, гуманизма и справедливости, научности.

Таким образом, определив меры предупреждения совершения должностных преступлений необходимо отметить, что их совокупность будет способствовать сведению к минимуму противоправных деяний.

Тем самым, наличие факта совершения должностного преступления в правовом государстве представляет реальную угрозу его социального и

экономического развития. Кроме того, угроза распространяется на политическую стабильность, от которой зависит безопасность всего гражданского общества.

Можно заметить, что существует крайняя необходимость в разработке мер по предупреждению совершения должностных преступлений с тем, чтобы каждый государственный служащий выполнял свои должностные обязанности на благо государства и общества, соответственно.

В первую очередь, стоит обратить внимание на существующие проблемы морали и нравственности на государственной службе ДНР. Совершенствование действующего законодательства ДНР, а также развитие превенциальных мер, а также принятие Деонтологического кодекса основ государственной службы в совокупности направлено на реформирование состояния государственной службы.

Список источников

1. О практике применения судами Донецкой Народной Республики норм главы 33 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики о должностных и некоторых иных преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики № 16 от 17.11.2017 г. / Официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.ru/pplenium/o-praktike-primeneniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-norm-glavy-33-ugolovnogo-kodeksa/> (дата обращения: 28.09.2020). – Загл. с экрана.
2. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова и др.; отв. ред. А. В. Бриллиантов. – 2-ое изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 1227 с.
3. Воронцова, Н. В. Проблема предупреждения преступлений / Н. В. Воронцова, К. С. Миненк // Актуальные проблемы права. – 2016. – № 2. – С. 146–149.
4. Майоров, А. В. Этимология должностного преступления / А. В. Майоров, В. В. Шекунова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 1. – С. 42–48.
5. Оздоев, М. Т. Должностные преступления: уголовно-правовой анализ и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / М. Т. Оздоев; С.-Петербург. ун-т МВД РФ. – Санкт-Петербург, 2005. – 19 с.
6. Яблонская, Л. М. Деонтология государственной службы как наука о долге и достойном поведении государственных служащих / Л. М. Яблонская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 27. – С. 88–93.
7. Халиков, А. Н. Характеристика личности преступника по должностным преступлениям / А. Н. Халиков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 15. – С. 73–79.
8. Яблонская, Л. М. Этико-деонтологический кодекс модель полиции XXI в. / Л. М. Яблонская // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 6. – С. 38–40.

Поступила в редакцию 22.12.2020 г.

DEONTOLOGICAL ASPECT OF THE DEVELOPMENT OF MEASURES TO PREVENT THE COMMISSION OF OFFICIAL CRIMES

The article considers the features of measures to prevent the Commission of official crimes from a deontological point of view. An attempt has been made to develop appropriate measures at the theoretical level that will be aimed at preventing the Commission of this category of crimes by public servants. The proposed author's measures are required in the appropriate testing at the legislative level.

Keywords: official; state employee; a crime; a responsibility; malfeasance.

Каблов Денис Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент
кафедры административного
и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kablv.denis@rambler.ru

Kablov Denis

Candidate of Law, Associate Professor of
the Department of Administrative and
Financial Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: kablv.denis@rambler.ru

Федосеева Яна Олеговна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: fedoseeva2408@mail.ru

Fedoseeva Yana

student of the Faculty of Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: fedoseeva2408@mail.ru

УДК 34.01

Краснонос Е. Ю.
Затейщикова Е. Л.

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья направлена на анализ системы правового регулирования с искусственным интеллектом в Российской Федерации. Автор дает общую характеристику основным правовым актам, регламентирующим данную тему. Рассматриваются основы деятельности автономной некоммерческой организации, действующей на базе национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и инновации проекта Конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, цифровая экономика, системы с искусственным интеллектом.

В современных реалиях мировое сообщество стремится воплотить в жизнь то, что раньше считалось научной фантастикой. С развитием науки и техники искусственный интеллект все больше внедряется в различные сферы жизни общества и совсем скоро он получит возможность совершать юридически значимые действия, которые должны получить точную регламентацию.

Также актуальность исследования темы искусственного интеллекта обусловлена тем, что скорость технологического развития государств, перехода на цифровую экономику, где внедрение искусственного интеллекта особо необходимо, является основным фактором определения статуса лидера на международном информационном рынке.

В ноябре 2019 года Президент Российской Федерации во время своего выступления относительно перспектив развития инновационных технологий огласил отчет по динамике применения и использования систем с искусственным интеллектом. На основании данного отчета можно сделать вывод о том, что приоритетным направлением развития искусственного интеллекта является модернизация моральных и правовых норм.

Модернизация, в данном случае, предполагает формирование свода этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом,

увеличения количества и качества подготовки специалистов по работе с искусственным интеллектом в Российской Федерации [1].

В состав Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» входит федеральный проект «Цифровые технологии», утвержденный протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28 мая 2019 г. № 9.

Согласно положениям, заключенным в данной федеральном проекте «Цифровые технологии», технология искусственного интеллекта трактуется как одна из приоритетных сквозных технологий для решения вопросов обработки данных большого объема, распознавания объектов и быстрого интеллектуального поиска.

При реализации данного проекта развитие искусственного интеллекта служит средством обеспечения возможности развития технологической независимости Российской Федерации, что будет ускорять технологическое развитие отечественных производителей [2].

Курирующим департаментом федерального проекта является Департамент координации и реализации проектов по цифровой экономике.

В то же время, перечень приоритетных направлений развития и использования технологий искусственного интеллекта указан в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», к которым следует отнести:

1. Создание сквозных цифровых технологий, которые будут основываться преимущественно на отечественных разработках;
2. Реализация внедрение искусственного интеллекта в сферах государственного управления;
3. Разработка способов оказания государственных услуг с помощью искусственного интеллекта;
4. Особая поддержка малого и среднего бизнеса, основывающегося на искусственном интеллекте;
5. Преобразование с помощью искусственного интеллекта приоритетных отраслей экономики и социальной сферы [3].

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Стратегия), обязала внести изменения в Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» и разработать проект «Искусственный интеллект», с помощью реализации которого будут созданы все необходимые условия для эффективного взаимодействия между

государством, научными организациями и гражданами в сфере развития искусственного интеллекта.

Стратегия определяет цели и основные задачи развития искусственного интеллекта и расписывает комплекс мер, направленных на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов в любой сфере.

Также Стратегия охватывает основы поддержки научных исследований, разработки и развития программного обеспечения и т.д.

При реализации данной Стратегии необходимо соблюдать следующие основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта:

1. Приоритет защиты прав и свобод человека, выражающийся в предоставлении гражданам права получать знания и приобретать навыки для жизни в условиях цифровой экономики;

2. Обеспечение безопасности, выражающееся в недопустимости использования технологий искусственного интеллекта для совершения каких-либо действий, приносящей вред и являющихся противоправными;

3. Прозрачность в оглашении результатов деятельности разработок искусственного интеллекта;

4. Создание технологического суверенитета посредством популяризации использования отечественных технологий искусственного интеллекта и технологических решений;

5. Целостность инновационного цикла, то есть симбиоз научных исследований и разработок относительно искусственного интеллекта;

6. Поддержка конкуренции в области искусственного интеллекта.

Положения, указанные в Стратегии, обязательно должны учитываться при реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и иных национальных проектов, программ и планов мероприятий.

При этом основными показателями успешной реализации положений данной Стратегии являются:

1. Увеличение количества таких организаций, которые разрабатывают различные технологические решения в области искусственного интеллекта;

2. Увеличение количества результатов интеллектуальной деятельности, применяемые на практике.

С теоретической стороны отметим, что в данной Стратегии разграничиваются дефиниции понятий «искусственный интеллект» и «технология искусственного интеллекта».

Так, искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции

человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

В то же время под технологиями искусственного интеллекта понимается такие технологии, которые основаны на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта [4].

В Российской Федерации действует Автономная некоммерческая организация (далее – АНО), созданная на базе национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Целесообразность создания данной организации обусловлена необходимостью обеспечения продуктивного диалога между представителями бизнеса и государства при реализации задач национальной программы по применению искусственного интеллекта. Со стороны государства АНО поддерживается Администрацией Президента Российской Федерации и Правительством Российской Федерации.

Деятельность автономной некоммерческой организации направлена на разработку цифровых технологий, то есть создает системы поддержки поисковых, прикладных исследований в области цифровой экономики, обеспечивающей технологическую независимость по направлениям сквозных цифровых технологий, конкурентоспособных на глобальном уровне, а технологии искусственного интеллекта входят в категорию сквозных технологий.

Необходимо отметить также работу А. В. Незнамова, который является одним из основателей и руководителем Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта Российской Федерации, и ученый В. Б. Наумов разработали проект Конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте.

Так, в статье 29 данного документа, говорится о том, что роботы могут выступать в гражданском обороте как самостоятельные лица, в том числе выступать собственниками других роботов, но при условии, если это прямо установлено действующим законодательством. Таким образом, авторы этого проекта сразу решили вопрос о том, могут ли в будущем умные роботы стать субъектами права или остаться объектами.

При реализации всех положений программ развития искусственного интеллекта целевым результатом следует считать внедрение в правовую систему Российской Федерации технологий правового мониторинга, юридического прогнозирования, проектирования юридических норм, анализ законопроектов и т.д. [5].

Также существует необходимость как можно быстрее принять новую научную концепцию по цифровизации интеграционного права в законодательстве Российской Федерации, которая, прежде всего, будет ориентирована на международные стандарты в едином виртуальном пространстве.

Список источников

1. Путин: РФ способна стать одним из глобальных лидеров в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/7096728> (дата обращения: 08.10.2020). – Загл. с экрана.
2. Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 / Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 08.10.2020). – Загл. с экрана.
3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 08.10.2020). – Загл. с экрана.
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года / Гарант.Ру – информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 08.10.2020). – Загл. с экрана.
5. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 08.10.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 19.01.2021 г.

MODERN LEGAL REGULATION OF SYSTEMS WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

This work is aimed at analyzing the system of legal regulation with artificial intelligence in the Russian Federation. The author gives a general description of the main legal acts regulating the topic under consideration. The article considers the foundations of the activities of an autonomous non-profit organization, the current base of the national program «Digital Economy of the Russian Federation» and the innovations of the draft Convention on Robotics and Artificial Intelligence.

Keywords: artificial intelligence, artificial intelligence technologies, digital economy, systems with artificial intelligence.

Красноносков Евгений Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: eu.kr@yandex.ua

Krasnonosov Evgeniy

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law of Donetsk
National University

DPR, Donetsk

E-mail: eu.kr@yandex.ua

Затейщикова Елизавета Леонидовна

студентка 3 курса,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: zateyshchikova.liza@mail.ru

Zateishikova Elizaveta

law student of Donetsk National
University

DPR, Donetsk

E-mail: zateyshchikova.liza@mail.ru

УДК 177.7 + 616.89-008.441.44:177.7

Матвиенко Е. А.
Осадчая Д. А.

К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЭВТАНАЗИИ: СИТУАЦИЯ В МИРЕ, КОРОЛЕВСТВЕ НИДЕРЛАНДОВ (СТРАНЕ-ЧЛЕНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА) И ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕНЯТИЯ ОПЫТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается проблема легализации эвтаназии в различных европейских странах, а также определяются перспективы перенятия опыта законодательного регулирования права на смерть в Российской Федерации.

Ключевые слова: эвтаназия, право на смерть, легализация, опыт европейских государств.

В настоящее время накоплен внушительный опыт нормативного регулирования вопроса об эвтаназии. Проблема реализации права на смерть через эвтаназию является общемировой, мнения по которой кардинально расходятся, что иллюстрируется многообразием решений законодательного закрепления.

Изучению проблем эвтаназии посвятили свои труды такие отечественные ученые как: В. Д. Беляев, И. А. Исаев, А. В. Наумов, А. А. Андреева и др.; а также такие зарубежные как: С. Гроф, А. Клоблер-Росс, Ж. Судо, Дж. Рейглес, А. Э. Уолкер и др.

Цель исследования заключается в определении проблемы реализации права на смерть через эвтаназию, в исследовании опыта правового регулирования данного явления в зарубежных странах, выявление возможности его использования в современных условиях.

На данный момент сложились разнообразные подходы к проблематике ее легализации в различных странах, систематизация которых позволит использовать зарубежный опыт в Российской Федерации. Государства, с точки зрения подходов к эвтаназии, условно можно подразделить на 6 групп:

1. Страны, полностью легализовавшие эвтаназию, как в активной, так и в пассивной формах (Голландия, Бельгия, Люксембург);
2. Страны, в которых разрешена только пассивная форма эвтаназии (Австралия, Франция, Израиль, некоторые штаты США);

3. Страны, регулирующие вопросы эвтаназии при помощи принятия судебных прецедентов (США);

4. Страны, отрицающие существование самого права на смерть, и устанавливающие уголовную ответственность за такое деяние (Польша, Перу, Корея, Япония, Италия и др.);

5. Страны, в которых законодательство предусматривает уголовную ответственность за эвтаназию, за содействие в ее проведении и за подстрекательство к ней (Бразилия, Португалия, Чили, Алжир, Венгрия, Гондурас, Исландия, Испания, Италия, Колумбия, Куба, Мексика, Нигерия, Панама, Перу, Румыния, Эквадор и др.);

6. Страны, законодательство которых не содержит нормативного акта, разрешающего вопрос об эвтаназии (Россия, Финляндия, Швеция, Япония и др.) [1, с. 48].

Всемирная медицинская ассоциация, многократно рассматривая вопрос об эвтаназии, всегда склонялась к ее недопустимости и категорично осуждала [2, с. 123]. Декларация ВМА об эвтаназии 1987 г. только подтвердила, что «эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких, является неэтичной» [3]. Данное положение касается исключительно активной формы эвтаназии.

Королевство Нидерландов – первое государство, в котором была легализована эвтаназия. Вопрос узаконивания «права на смерть» является для Нидерландов актуальным еще с 1984 г., когда Верховный суд страны признал эвтаназию приемлемой.

В 1993 г. в Голландии Королевской медицинской организацией был издан список, состоящий из обязательных двенадцати пунктов, который позже послужил основой для закона об эвтаназии. В этом государстве принят от 12 апреля 2001 года специальный нормативно-правовой акт «*Toetsing levensbelindiging op verzoek en hulp bij zelfdoding*» («Об окончании жизни по просьбе или о содействии самоубийству»), вступивший в силу в 2002 году и регламентирующий обязательные моменты подготовки к процедуре эвтаназии.

Проведение эвтаназии в Нидерландах возможно в отношении граждан, достигших двенадцати лет. Однако если данной процедуре подвергается ребенок в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, то решение о ее проведении принимают исключительно его родители либо опекуны. Также эвтаназия осуществляется по требованию пациента, если будет доказано, что его страдания являются невыносимыми, а болезнь неизлечима.

В нидерландском законодательстве эвтаназия определяется как действие, направленное на то, чтобы положить конец жизни той или иной личности, следуя ее собственному желанию, выполненное незаинтересованным лицом.

Проведение процедуры эвтаназии в Королевстве Нидерландов происходит по следующей схеме:

1. Пациент должен получить от врача полную информацию о текущем состоянии его здоровья и прогнозах на будущее. Данная информация может быть получена и действующим от имени больного заинтересованным лицом.

2. Врач информируется о желании совершить процедуру эвтаназии. При этом должен быть предоставлен документ, подтверждающий дееспособность и вменяемость пациента.

3. Врач должен удостовериться в добровольности намерений пациента, провести консультацию с другим врачом и письменно извещает пациента и органы власти о соблюдении необходимых требований, а также подготавливает необходимые документы.

4. В комиссию по этике подается запрос на получение разрешения на проведение процедуры эвтаназии. Комиссия в течение шести недель со дня получения исследует доклад врача и принимает решение, о котором необходимо уведомить прокурора, а вдобавок, общее и региональное министерство здравоохранения. Если дается отрицательный ответ, то он может быть пересмотрен комиссией от министерства здравоохранения, благополучия и спорта, а также прокурором.

5. При получении положительного заключения пациент получает пакет разрешительных документов и далее возможно два варианта:

а) ему выдается инъекция, которую он использует самостоятельно;

б) процедура эвтаназии проводится непосредственно в медицинском учреждении [4, с. 37].

Данная схема проведения эвтаназии является вполне детализированной и затрагивающей основные аспекты процедуры ее проведения.

Под применение эвтаназии в Нидерландах чаще всего попадают пациенты, страдающие онкологическими, нервными, легочными, сердечно-сосудистыми заболеваниями, а также СПИД-инфицированные.

В Королевстве Нидерландов от уголовной ответственности за удовлетворение просьбы о проведении эвтаназии освобождается только медицинский персонал. В соответствии со ст. 293, 294 Уголовного Кодекса Нидерландов, к лицу, лишившему жизни другое лицо по его просьбе, может быть назначено наказание в виде лишения свободы сроком до 12 лет [5, с. 302].

Второй страной, легализовавшей эвтаназию специальным законом в 2002 году, является Бельгия [6, с. 339]. В данном нормативно-правовом акте определены обязательные условия эвтаназии:

1. Подвергаться данной процедуре может лицо, достигшее 18 лет и страдающее неизлечимым заболеванием.

2. Врачу должно поступить несколько письменных запросов, подтверждающих намерение пациента совершить эвтаназию.

В бельгийских аптеках с апреля 2005 года появились специальные наборы, помогающие упростить проведение процедуры эвтаназии. В комплект входит одноразовый шприц со смертельной инъекцией и иные необходимые средства. Стоимость данного набора составляет около 60 евро. Его может приобрести не любой человек, а исключительно практикующий врач посредством оформления заказа с указанием точной дозировки яда в одну из аптек, имеющей специальное разрешение на продажу данных наборов.

С марта 2014 года Бельгия стала первой страной, где была узаконена детская эвтаназия. Для реализации добровольного ухода из жизни несовершеннолетнего необходимо выполнить следующие условия:

1. Родители ребенка должны дать свое согласие на проведение эвтаназии.

2. Медицинский консилиум должен постановить, что несовершеннолетний неизлечим.

Однако в законе не содержится конкретных возрастных ограничений, и неясно, исключает ли нормативно-правовой акт эвтаназию для самых маленьких. При этом имеется положение, предусматривающее, что несовершеннолетний должен проявить «понимание ситуации и осознавать происходящее в момент поступления предложения об эвтаназии».

В Швейцарии эвтаназия официально легализована с 2006 года. В соответствии с уголовным законодательством, эвтаназия не наказуема лишь в том случае, если она не была предпринята по эгоистичным мотивам. В иных случаях исполнителю вменяется тюремное заключение сроком до пяти лет.

В Швейцарии развит так называемый «Суицидальный туризм» или «Туризм смерти». В государство приезжают жители иностранных стран, которые не могут получить аналогичную помощь у себя на родине. Одна из клиник – Dignitas, предоставляющая такие услуги, была основана швейцарским юристом Людовиком Минелли в 1998 году. Человек, изъявивший желание умереть, пребывает в Цюрих по адресу клиники Dignitas. Пациенту предлагается совершить прогулку, а затем следует заключительный осмотр врача и подписание документов, согласно которым лицо официально отказывается от жизни. В итоге, больному вручается стакан напитка, в котором находится смертельная доза снотворного, приводящая к остановке дыхания во сне [7, с. 4].

Во Франции действует с 2005 года Закон Леонетти, который допускает пассивную эвтаназию. Нормативно-правовой акт позволяет отказаться пациенту от медицинской помощи, если лечение не приносит положительных результатов и не приведет к какому-либо результату, кроме как искусственному поддержанию жизни [8, с. 17].

При принятии решения о прекращении лечения пациента, который неспособен выразить свое желание, если это решение может быть опасным

для его жизни, то необходимо провести консилиум врачей. При этом должно учитываться мнение одного из близких родственников.

В 2004 году парламент Израиля – Кнессет – одобрил законопроект, который разрешает врачам исполнить последнюю волю пациента, а именно – реализовать право на смерть. В израильском законе признается исключительно пассивная форма эвтаназии, когда больной самостоятельно просит «свести счеты с жизнью» (например, отключить его от аппаратов искусственной вентиляции легких и искусственного кровообращения).

В Израиле первый раз совершение эвтаназии проводилось по решению президента иерусалимского окружного суда в отношении 74-летнего больного, находившемуся в коме больше чем полгода. При этом решение было вынесено по просьбе родственников, по словам которых, приходя на краткосрочное время в сознание, пациент лично просил сделать все необходимое, чтобы его мучения закончились [9, с. 55].

В США проблема эвтаназии является широко обсуждаемой и неоднозначно решается как на уровне федерации, так и на уровне штатов. На сегодняшний день эвтаназия узаконена только в четырех штатах Америки: Калифорния, Вашингтон, Орегон и Вермонт.

В Калифорнии после продолжительных обсуждений в 1977 году был принят закон «О праве человека на смерть». Согласно данному нормативно-правовому акту, неизлечимо больным людям предоставляется право на документальное оформление своего желания на отключение системы жизнеобеспечения при соблюдении определенных условий. Первое условие – наличие заключения психиатра о вменяемости пациента. При этом Американская ассоциация психиатров запрещает своим членам участие в подобных процедурах. Другое условие заключается в том, что проводить процедуру эвтаназии должен врач, но Американская медицинская ассоциация не позволяет участвовать своим членам в проведении эвтаназии, выдвинув лозунг: «Врачи не должны быть палачами». В Калифорнии врач, исполнивший желание безнадежного пациента о добровольной смерти, не несет перед судом ответственность за это.

В Орегоне легализована эвтаназия посредством Закона «Об умирании с достоинством». В данном американском штате разрешается так называемое «самоубийство при помощи другого лица». Под ним понимается выписка медицинским работником смертельных таблеток пациенту, но не наркотиков. Врач должен получить подтверждение о безнадежном состоянии больного от двух независимых врачей с соблюдением пятнадцатидневного срока между первым и вторым волеизъявлением пациентов, желающих получить помощь в совершении самоубийства.

В соответствии с Законом штата Вашингтона «О достойной смерти» от 2008 года, дееспособный пациент, который проживает в вашингтонском

штате и страдает от неизлечимого заболевания, имеет право в письменном виде требовать от врача назначения ему смертельной дозы лекарства. Данный нормативно-правовой акт предоставляет иммунитет от уголовной ответственности исключительно медицинским работникам. Также, указанный закон подробно регламентирует условия, соблюдение которых является обязательным для «ассистируемого врачом самоубийства»:

1. Возрастной ценз.

2. Ценз оседлости в отношении пациента.

3. Порядок подтверждения дееспособности больного, его диагноза и добровольности волеизъявления на проведение эвтаназии.

4. Информирование пациента о возможной альтернативе, например, в виде оказания паллиативной помощи и др. [8, с. 16].

В настоящее время в федеральном округе Колумбия действующее законодательство предоставляет приоритетное право супругу принимать решение об отключении аппаратуры жизнеобеспечения. А в некоторых штатах эвтаназия запрещена законодательно (например, в Джорджии).

В уголовном законодательстве Италии, Бразилии и Чили предусмотрена ответственность за помощь в совершении самоубийства и за подстрекательство к суициду, а эвтаназия и вовсе квалифицируется как умышленное убийство.

Исходя из всего выше сказанного, целесообразным будет найти однозначное правовое решение проблематики эвтаназии, например, путем заимствования зарубежного опыта и включения в Уголовный кодекс Российской Федерации нормы, предусматривающей ответственность за убийство, совершенное по мотиву сострадания и просьбе потерпевшего (убийство по мотиву сострадания (эвтаназия)). Одним из способов преодоления спорного вопроса об уголовно-правовой оценке эвтаназии будет являться принятие закона.

Если же будет идти речь о легализации эвтаназии, целесообразно будет обратиться к зарубежному опыту, а именно к законодательству Королевства Нидерландов. Усовершенствовать нидерландскую модель можно путем «подбития» норм под российские реалии, а именно:

1. Ввести обязательное положение о том, что решение пациента должно быть нотариально удостоверено.

2. Проведение эвтаназии исключительно для российских граждан, достигших восемнадцати лет, что не позволит развиваться такому явлению как «суицидальный туризм».

3. Доклад лечащего врача должен быть скреплен подписью главного врача лечебного учреждения. Данная норма повысит уровень ответственности и снизит возможность врачебных злоупотреблений.

4. Исполнение акта эвтаназии исключительно в лечебных учреждениях, что позволит предотвратить нелегальный оборот наркотических веществ.

Таким образом, на современном этапе развития российского общества разработка и принятие закона об эвтаназии, а также законодательное закрепление ответственности за проведение акта эвтаназии остается одним из наиболее актуальных и проблемных вопросов.

Список источников

1. Антоненко, М. М. Законодательное разрешение проблемы эвтаназии в зарубежных странах и России / М.М. Антоненко // Бизнес в законе. – 2015. – № 4. – С. 48–50.
2. Клыга, Т. В. Актуальные вопросы, правовые основания применения эвтаназии в зарубежных странах / Т. В. Клыга // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 6. – С. 122–125.
3. Декларация об эвтаназии. Принята 39-й Всемирной медицинской ассамблеей от октября 1987 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://z-l.com.ua/ru/new422/> (дата обращения: 21.05.2020 г.). – Загл. с экрана.
4. Бобровский, А. А. Легализация эвтаназии в России: адаптация Нидерландской системы / А. А. Бобровский // Вопросы студенческой науки. – 2017. – № 12. – С. 35–38.
5. Правовая система Нидерландов / отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. – М.: Зерцало, 2008. – 432 с.
6. Басаев, В. А. К проблеме эвтаназии В. А. Басаев // Молодой ученый. – 2015. – № 20. – С. 338–340 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/100/22608/> (дата обращения: 17.02.2019). – Загл. с экрана.
7. Вавилкина, Т. В. К вопросу об эвтаназии в законодательстве зарубежных стран / Т. В. Вавилкина // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 4. – С. 90–97.
8. Казимирская, Ю. В. Право на эвтаназию как ограничение права на жизнь (сравнительно-правовой аспект) / Ю. В. Казимирская // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 11. – С. 15–17.
9. Золотарева, Е. А. Правовое регулирование эвтаназии в зарубежных странах / Е. А. Золотарева // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2009. – № 1. – С. 53–56.

Поступила в редакцию 11.01.2021 г.

ON THE QUESTION OF LEGALIZATION OF EUTHANASIA: THE SITUATION IN THE WORLD, THE KINGDOM OF THE NETHERLANDS (A MEMBER OF THE EUROPEAN UNION) AND THE PROSPECTS OF EXPERIENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the problem of legalizing euthanasia in various European countries, and also determines the prospects for adopting the experience of legislative regulation of the right to death in the Russian Federation.

Keywords: euthanasia, the right to death, legalization, the experience of European states.

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: e_matvienko@mail.ru

Matvienko Ekaterina

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law of Donetsk
National University

DPR, Donetsk

E-mail: e_matvienko@mail.ru

Осадчая Дарья Александровна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: darinaosadchaya27@gmail.com

Osadchaya Daria

law student of Donetsk National
University

DPR, Donetsk

E-mail: darinaosadchaya27@gmail.com

УДК 349.6

Пашков С. Н.
Рахимова В. М.

ГАРМОНИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье проанализированы проблемы эколого-правовой политики РФ и ДНР, которая направлена на сохранение природной среды и обеспечение экологической безопасности; в частности, определены коллизии, существующие в экологическом законодательстве обеих стран. На основании проделанного анализа предложены меры по гармонизации нормативно-правовой базы государств, а также по усовершенствованию эколого-правового механизма в целом.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологическое законодательство, гармонизация, окружающая среда, законодательные коллизии.

Создание эффективного правового механизма, направленного на сохранение природной среды, обеспечение экологической безопасности, а также совершенствование правоприменительной практики с целью адекватного привлечения к ответственности за экологические правонарушения выступают в качестве первоочередных задач экологической политики государства. Особую актуальность их реализация приобретает на территории нашей Республики, где экологическая обстановка, с учетом мощной промышленности и военной ситуации, складывается более остро, нежели в других регионах. Однако, как показывает анализ законодательства в области охраны окружающей среды, существует немало пробелов и противоречий нормативно-правового характера, что препятствует должному решению накопившихся проблем. Ввиду этого появляется необходимость в гармонизации экологического законодательства Российской Федерации (далее – РФ) и Донецкой Народной Республики (далее – ДНР).

Цель публикации – исследование возможных путей гармонизации экологического законодательства РФ и ДНР.

Прежде всего, законодательного урегулирования требует вопрос неэффективной, ресурсоемкой структуры экономики ДНР, что проявляется в неразвитости обрабатывающей и перерабатывающей промышленности, инфраструктуры, устаревших технологиях. Ввиду этого целесообразным

представляется узаконивание требований к внедрению наилучших доступных технологий (НДТ) как в рамках экологической, так и промышленной политики. Согласно Закону РФ «Об охране окружающей среды» [1], под наилучшей доступной технологией понимается технология производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения. Диспозитивный характер ч. 2 ст. 28.1 указанного Закона, в которой сказано, что к «областям применения наилучших доступных технологий могут быть отнесены хозяйственная и (или) иная деятельность, которая оказывает значительное негативное воздействие на окружающую среду, и технологические процессы, оборудование, технические способы и методы, применяемые при осуществлении хозяйственной и (или) иной деятельности», предоставляет, на наш взгляд, субъектам хозяйствования определенную свободу при распоряжении правами в процессе осуществления соответствующей деятельности, что проявляется в дозволении как использовать НДТ в указанных областях, так и не использовать. Но именно такая свобода, при условии отсутствия сдерживающих факторов в виде мер юридической ответственности, и порождает те негативные экологические последствия, которые мы наблюдаем на сегодняшний день. Поэтому и предлагается изложить данную норму в следующей императивной форме: «К областям применения наилучших доступных технологий должны быть отнесены хозяйственная и (или) иная деятельность, которая оказывает значительное негативное воздействие на окружающую среду, и технологические процессы, оборудование, технические способы и методы, применяемые при осуществлении хозяйственной и (или) иной деятельности.», дополнив данную статью нормой о привлечении к ответственности за невыполнение обязанностей по финансированию расходов на внедрение НДТ. Несовершенство аналогичной нормы Закона ДНР «Об охране окружающей среды» [2] заключается в суженом круге сфер производственной деятельности, при осуществлении которых должны применяться наилучшие существующие технологии. В ч. 1 ст. 36 сказано, что применение таковых, как и «учет нормативов допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду...» является необходимым «...при проектировании зданий, строений, сооружений и иных объектов...». Однако в таком случае не учитываются иные виды хозяйственной деятельности, где также чрезвычайно важным является внедрение наилучших доступных технологий. И в этой части предлагается дополнить установленный законодателем перечень сфер, где необходимо применение вышеуказанных технологий.

Кроме того, в указанных нормативных правовых актах отсутствует такое особо значимое понятие как «экологическое благополучие», нашедшее свое отражение лишь в основных законах государств – Конституции РФ и Конституции ДНР [3, с. 52]. Однако целесообразным является включение данной дефиниции в вышеуказанные законы, выступающие первоосновой экологического законодательства, а именно в ст. 1 Законов ДНР и РФ «Об охране окружающей среды».

Наряду с вышеуказанными противоречивыми моментами имеет место следующая проблема. В п. «б» ч. 2. ст. 11 Закона ДНР «Об охране окружающей среды», как и в ч. 2 ст. 11 аналогичного Закона РФ, законодателем предусмотрено право граждан «обращаться в органы государственной власти, органы местного самоуправления и иные организации с жалобами, заявлениями и предложениями по вопросам, касающимся охраны окружающей среды, негативного воздействия на окружающую среду, и получать своевременные и обоснованные ответы». Статьями 12 обоих законов такое право предоставлено общественным объединениям и некоммерческим организациям в области охраны окружающей среды. Однако в то же время данными нормативно-правовыми актами рассмотрение подобных жалоб и заявлений соответствующими органами не отнесено к кругу их полномочий, установленных в соответствующих нормативных положениях законов. Следовательно, отсутствует законодательно установленная процедура (механизм) реагирования на указанные жалобы и заявления, а это, в свою очередь, порождает определенные препятствия на пути к достижению преследуемых указанными субъектами целей.

Необходимым, на наш взгляд, представляется реформирование статей ранее указанных законов РФ и ДНР, в которых законодателем предусмотрена ответственность за нарушение экологического законодательства. Так, ст. 75 Закона РФ «Об окружающей среде» звучит следующим образом: «За нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством».

В свою очередь, ст. 75 Закона ДНР «Об охране окружающей среды» представлена в следующем виде: «За нарушение законодательства Донецкой Народной Республики в сфере охраны окружающей среды устанавливается гражданская, административная и уголовная ответственность в соответствии с законом».

Однако, как следует из Толкового словаря Ожегова [4], глагол «установить» трактуется в значении «назначить, утвердить, ввести в действие», т.е. данный термин может быть применен исключительно к введению в действие новых правовых норм. Поэтому нормативное

положение, предусматривающее виды ответственности за соответствующие правонарушения, должно, на наш взгляд, носить несколько иной смысловой характер. Юридически правильнее было бы использовать глагол «привлечь», означающий в соответствии все с тем же Толковым словарем «заставить отвечать за свои действия, проступки». Следовательно, целесообразным представляется следующее изложение указанных статей: «За нарушение законодательства в области охраны окружающей среды лицо привлекается к имущественной, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности в соответствии с законодательством».

В то же время налицо своего рода нормативно-терминологическая избыточность. Если быть точнее, то как в Законе РФ «Об охране окружающей среды», так и в аналогичном Законе ДНР имеет место употребление двух практически равнозначных и подменяющих друг друга терминов – «окружающая среда» и «природная среда (природа)». А такое положение лишь «размывает» содержание фундаментальных понятий, и приводит к неопределенности отношений в сфере охраны экологии. Необходимо узаконивание единой дефиниции, полно раскрывающей содержание соответствующего явления и определяющей сущность отношений, подлежащих правовой охране.

Целесообразным представляется создание в ДНР плана действий по гармонизации законодательства в области окружающей среды и законодательства, аналогично существующему в РФ. Речь идет о Плана действий по гармонизации законодательства в области окружающей среды и законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в целях выработки единых подходов к классификации отходов, который был разработан в 2019 году Министерством природных ресурсов и экологии РФ совместно с Роспотребнадзором. Необходимость принятия данного документа была вызвана существующим на протяжении долгих лет недостатком в части классификации образующихся в процессе природопользовательской деятельности отходов, который выражался в ограниченной совокупности критериев для подобного разграничения. Если экспертами в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия отходы всегда разделялись в зависимости от опасных факторов по отношению к здоровью человека, а именно по токсичности, канцерогенности и мутагенности, то экологи считали правильным классифицировать отходы по отношению к воздействию на компоненты окружающей среды: почву, воду, флору и фауну и т. д. Данные противоречия отразились, в свою очередь, на содержании Федерального классификационного каталога отходов (далее – ФККО) [5], согласно которому класс опасности отхода показывал его опасность для природы, не учитывая при этом влияние на здоровье человека. И именно с

целью устранения данной коллизии был принят вышеуказанный документ. При этом на сегодняшний день в разработке находится перечень веществ и соединений, обладающих токсичными свойствами, что должно впоследствии привести к изменению ФККО, в частности, к присвоению дополнительного кода каждому виду отхода, содержащему опасные вещества. Планируется также работа по определению особенностей предварительного обеззараживания и обезвреживания отходов, которые содержат мутагенные и канцерогенные соединения, с целью их размещения/переработки в соответствии с природоохранным законодательством [6]. Следовательно, принятие подобных нормативов и в нашем регионе представляется чрезвычайно необходимым.

Другой проблемой является многообразие нормативных правовых актов, порождающее определенные сложности в их реализации. Как следствие, возникает потребность в принятии единого кодифицированного закона, который смог бы консолидировать все аспекты правового регулирования общественных отношений в экологической сфере [7]. Несмотря на то, что концепция проекта Экологического Кодекса РФ была опубликована официально еще в 2007 году [8], сам Кодекс как таковой до сих пор отсутствует.

Многие российские нормативные правовые акты, положения которых направлены на защиту интересов природы, лишь отчасти отражают достаточно сложные и многоуровневые экологические процессы. Следовательно, с целью их эффективного применения представляется необходимым проведение ландшафтно-экологических исследований по зонированию территорий вне границ административно-территориального деления.

Огромное препятствие на пути планомерной реализации задач экологической политики в нашем регионе представляет дефицит площадей для хранения мусора, в то время как сортировка отходов и мусоропереработка в Республике в большей степени остается на низком уровне. Ее всеобъемлющему внедрению препятствуют конкретные правовые нормы, предъявляющие чересчур завышенные санитарные требования, а также запретительная политика в виде лицензирования для инициатив любого уровня в этой сфере. К примеру, для элементарного сбора отработанных батареек в банку требуется, как минимум, получение специальной лицензии. Соответственно, без кардинального пересмотра соответствующих норм сертификации и лицензирования сбора и сортировки отходов, допуска к данной деятельности, общественной инициативы построить действующую систему сортировки и переработки мусора в ДНР не представляется возможным, ввиду чего предлагается усовершенствовать правовые условия для сбора и утилизации мусора [9].

Кроме того, имеет место отсутствие должного контроля соответствующих инстанций за деятельностью субъектов промышленной деятельности. Так, несмотря на установление законодателем в «Основах государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года» [10] таких первоочередных задач как предотвращение и снижение текущего негативного воздействия на окружающую среду, восстановление нарушенных естественных экологических систем, а также повышение эффективности государственного экологического надзора на федеральном и региональном уровнях, постоянно обнаруживаются предприятия, нарушающие предельно допустимую концентрацию химических элементов и их соединений при осуществлении своей деятельности. Только в 2017 году в РФ было выявлено более 24 тысяч таких предприятий [11]. Вследствие подобных противоправных действий указанных субъектов нарушается соответственно и конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду, что закрепляется в ст. 42 Конституции РФ [12] и ст. 35 Конституции ДНР [13] соответственно. На основании этого предлагается ужесточить государственный контроль за деятельностью последних.

Только таким образом можно будет достичь поддержания качественных характеристик природных ресурсов, и как следствие – обеспечить реализацию указанного права населения на соответствующее состояние окружающей среды.

Гармонизация, представляя собой деятельность по приведению всех законов в целостную, согласованную систему, является необходимым шагом на пути к совершенствованию управления природоохранной сферой. В наших государствах данная юридически значимая форма деятельности представляется особо важной. Причем гармонизация законодательства ДНР должна происходить поэтапно: для начала необходимо приведение в соответствие внутреннего законодательства, путем устранения указанных нами коллизий и восполнения пробелов в нормативно-правовых актах, а уже впоследствии – целесообразна «внешняя гармонизация», путем принятия законов, существующих в настоящий момент в РФ. Только посредством реализации указанных нами мер, одновременно с принятием определенных действий организационно-управленческого характера возможно будет обеспечить максимальную эффективность реализуемой государством экологической политики.

Список источников

1. Об охране окружающей среды: Федеральный Закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 29.11.2020). – Загл. с экрана.

2. Об охране окружающей среды: Закон Донецкой Народной Республики от 30.04.2015 № 38-ІНС / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-ohrane-okr-sredy/> (дата обращения: 29.11.2020). – Загл. с экрана.
3. Лабушкина, И. Е. Проблемы совершенствования экологического законодательства в России / И. Е. Лабушкина, Ж. А. Дорофеева, С. Р. Решетняк // Журнал «Вестник экспертного совета» / Право. – 2016. – № 1(4). – С. 50–56.
4. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения 29.11.2020). – Загл. с экрана.
5. Федеральный классификационный каталог отходов: Приказ Росприроднадзора от 22.05.2017 № 242 (ред. по сост. на 02.11.2018 года № 451) / Официальный сайт действующего законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rulaws.ru/findresult/?findline=%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D> (дата обращения: 29.11.2020). – Загл. с экрана.
6. План гармонизации экологических требований к определению класса опасности отходов / Официальный сайт «Эко/ПромЦентр» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecopromcentr.ru/plan-garmonizacii/> (дата обращения: 29.11.2020). – Загл. с экрана.
7. Оль, Е. М. Проблемы экологического законодательства и их влияние на реализацию экологических прав человека / Е. М. Оль, О. И. Богданова // Молодой ученый. – 2019. – № 17(255). – С. 110-112.
8. Концепция проекта Экологического Кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-18622.html> (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.
9. Усовершенствование правовых условий для сбора и утилизации мусора: Петиция / Портал «Мнение» // Общественное Движение «Донецкая Республика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mnenie.oddr.info/usovershenstvovat-pravovye-usloviya-dlya-sbora-i-utilizaczii-musora/> (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.
10. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утверждены Президентом РФ 30 апреля 2012 года (ред. по сост. на 01.02.2020) / Официальный сайт Ассоциации Экологов-Аудиторов «Национальная экологическая аудиторская Палата» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecopalata.ru/?page_id=4065 (дата обращения: 29.11.2020). – Загл. с экрана.
11. Пышкина, И. А. Основные направления развития экологического законодательства на современном этапе / И. А. Пышкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://femida-science.ru/index.php/home/vypusk-5/item/174-osnov-napr-raz-ekolog-zak-na-sovr-etape> (дата обращения: 29.11.2020). – Загл. с экрана.
12. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.
13. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной республики № 1-1 от 14.05.2014 г.) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 22.03.2021 г.

HARMONIZATION OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

This article analyzes the problems of environmental and legal policy of such states as the Russian Federation and the DPR, which is aimed at preserving the natural environment and ensuring environmental safety. In particular, collisions have been identified that exist in the environmental legislation of both countries. Based on the analysis done, measures are proposed to harmonize the regulatory framework of states, as well as to improve the environmental and legal mechanism in general.

Keywords: environmental safety, environmental legislation, harmonization, environment, legislative collisions.

Пашков Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного
и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: s.pashkov@donnu.ru

Pashkov Sergey

PhD in Law, Docent, Associate Professor
of the Department of Administrative and
Financial Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: s.pashkov@donnu.ru

Рахимова Виктория Михайловна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: victoria.rahimova2001@mail.ru

Rakhimova Victoria

law student of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: victoria.rahimova2001@mail.ru

УДК 341.01

Степанова Ю. С.
Левицкая Т. А.

ЕДИНАЯ ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА ЕАЭС – ШАГ В ИНФОРМАЦИОННОЕ БУДУЩЕЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматривается эволюция глобализационных процессов, в частности глобализации права, в рамках Евразийского экономического союза, указываются применяющиеся способы глобализации права, информационно-техническое развитие отношений в рамках Евразийского экономического союза, а также перспективы развития цифровой платформы в рамках Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: глобализация, правовая глобализация, информационно-коммуникативные технологии, цифровая платформа.

Во второй половине XX века человечество столкнулось с феноменом глобализации, который оказал существенное влияние на развитие государств, мировой экономики, политики, культуры, международных отношений. Главной целью процесса глобализации являлось создание унифицированного и интегрированного мира, который бы едиными силами боролся с глобальными проблемами человечества, а также способствовал прогрессивному развитию науки и техники, стабилизации мировой экономики, политических и иных процессов.

Стоит отметить, что глобализация – процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Слияние глобализаций различных качественных направлений в современных условиях привело к появлению уникальных в своей основе юридических институтов, например, таких феноменов, как «Интернет-право», «право Макдональдса» и др. [1, с. 161], в связи с чем, вопрос правовой глобализации, ее способов и практических применений в современных реалиях, в частности, в рамках Европейского экономического союза (далее – ЕАЭС), имеет как научный, так и практический интерес.

Целью работы является установление понятия правовой глобализации, способов правовой глобализации, применяемых в рамках ЕАЭС, а также влияние развития информационно-коммуникативных технологий на развитие отношений между странами-участниками ЕАЭС, их потенциальное значение

для правовых систем государств и правоотношений между государствами, физическими и юридическими лицами стран-участниц ЕАЭС. Данная цель подразумевает решение определенных задач: анализ подходов к определению понятия «правовая глобализация»; анализ специфики способов и методов евразийской глобализации; на основании полученной информации спрогнозировать возможные пути развития таких правоотношений.

Говоря об определении термина «правовая глобализация» следует отметить, что отсутствует его единое понимание и формулировка. Одни авторы понимают под правовой глобализацией процесс создания единых юридических норм, на основе которых развиваются отношения, как между государствами, так и между физическими и юридическими лицами разных государств; в частности Ю.Ю. Бугаенко определяет правовую глобализацию как процесс формирования новой, общемировой системы правовых норм, организующих и обеспечивающих глобальное межгосударственное взаимодействие в различных сферах жизни современного общества, в процессе которого международное и национальное право, а также право международных хозяйственных объединений оказываются в состоянии взаимозависимости [2, с. 69–70].

Другие автор, к примеру, И. А. Кучерков и Т. В. Воронина, определяют правовую глобализацию как процесс создания единых правовых принципов и методов правового регулирования и системы правоприменения с целью формирования единой правовой системы и наднациональных механизмов правового регулирования [3, с. 92]. Как мы видим, вторая позиция охватывает рассматриваемое явление несколько шире, что, по нашему мнению, является более правильным и конкретным, т.к. создание единых юридических норм «тянет» за собой необходимость разработки принципов их применения, а также системы, осуществляющей надзор за правильным применением таких норм.

Глобализация права, как любой процесс, осуществляется с помощью определенных способов:

1) правовой унификации, которая реализуется путем применения рецепция права, унификации и стандартизации права.

2) правовой гармонизации, которая осуществляется путем выработки правовых норм, единообразно регулирующих определенные общественных отношений (как правило, при этом используют рецепцию права либо обращаются к способам имплементации права).

3) правовой имплементации, которая реализуется путем применения трансформации, юридической отсылки и инкорпорации.

Кроме того, существенное влияние на глобализацию оказывает стремительное, непрекращающееся развитие информационно-коммуникативных технологий, а также информационных правоотношений.

Внеэкономическое сотрудничество является мощным фактором, влекущим за собой динамику в правовых отношениях. Современные экономические процессы в большей степени нуждаются не в национальном, а в «гармонизированном» глобальном правовом регулировании, что связано с действием международных экономических организаций, участниками которых являются суверенные государства со своими национальными правовыми системами и особенностями, как, например, Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС).

ЕАЭС как интеграционный международный союз был создан путем подписания Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, после прекращения деятельности Евразийского экономического сообщества. Созданный изначально в качестве союза экономической направленности, ЕАЭС, для достижения наиболее эффективных результатов, постепенно обращается к глобализации права государств-участников. Ранее мы рассмотрели способы глобализации, и теперь можем проследить, какие из них используются на практике ЕАЭС.

Договор о ЕАЭС непосредственно указывает на два способа: унификацию права и гармонизацию права. Так, статья 2 Договора о ЕАЭС закрепляет гармонизацию законодательства, определяя ее как «сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах»; в свою очередь, унификация права в данной статье определяется как сближение законодательств государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором о Евразийском экономическом союзе [4].

По мнению Шершневой О.С., Степановой Ю.С., формирования единого правового поля недостаточно унификации и гармонизации законодательства, которые лишь способствуют созданию новых норм права, в связи с чем в рамках правотворческой деятельности ЕАЭС также задействуется правовая имплементация путем инкорпорации (нормы международно-правовых актов без изменения входят в систему внутригосударственного права, имея при этом свойство прямого действия, к примеру, Таможенный кодекс ЕАЭС) [5, с. 161–162].

На базе ЕАЭС функционирует определенный комплекс структур, который способствует интеграции государств-членов в определенных сферах. Так, Высший Евразийский экономический совет (далее – Высший совет), состоящий из глав государств-членов, и Евразийский межправительственный совет, согласно Договору о ЕАЭС, занимаются рассмотрением вопросов, связанных с определением необходимости заключения соглашений о зоне свободной торговли или торгово-экономическом сотрудничестве между

ЕАЭС и третьими государствами, о формировании единых рынков внутри объединения и другие. Кроме того, Высший совет, в частности, устанавливает порядок вступления/выхода из объединения новых государств-членов, утверждает бюджет ЕАЭС и отчет о его исполнении, а также порядок осуществления ЕАЭС международного сотрудничества. Евразийский межправительственный совет же при этом обеспечивает применение норм права ЕАЭС и контроль за таким применением, выполняет ряд иных полномочий [6].

Центральное место в системе органов ЕАЭС также занимает Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК), основными направлениями деятельности которой являются процесс законотворчества, в частности принятие решений, имеющих нормативно-правовой, обязательный для исполнения характер, распоряжений, имеющих организационно-распорядительный обязательный для исполнения характер, и рекомендаций, не имеющих обязательного характера. При этом, решения ЕЭК являются самоисполнимыми, и не нуждаются в имплементации в национальное законодательство, действует примат решений над национальным законодательством [7].

В рамках ЕАЭС с 2015 года наблюдается процесс усовершенствования обеспечения данными и интеграционного взаимодействия на базе цифрового пространства в рамках четырех уровней: правовой, организационной, семантической и технической совместимости. Стоит обратить внимание на то, что происходит своеобразная эволюция интеграционных отношений: изначально возникла и функционировала межправительственная организация экономического характера, которая постепенно стала объединять правовые системы стран-участников, и, начиная с указанного периода, начался принципиально новый этап развития глобализационного процесса, который носит информационно-технический характер, и является предпосылкой, основанием создания также и единой цифровой платформы на территории ЕАЭС.

В частности, на основании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17.11.2015 № 155 «О единой системе нормативно-справочной информации Евразийского экономического союза» [8] была разработана Единая система нормативно-справочной информации ЕАЭС, направленная на техническое обеспечение информационного обмена в электронном виде между уполномоченными органами государств-членов, между ЕЭК и уполномоченными органами государств-членов, между ЕЭК и международными интеграционными объединениями и международными организациями, между уполномоченными органами государств-членов и юридическими и физическими лицами. Данная сфера взаимоотношений между указанными субъектами регулирует Протокол об информационно-

коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза от 29.05.2014 [9].

Данный Протокол закрепляет основные понятия (к примеру: информационная система, информационно-коммуникативные технологии, электронный документ и т.д.), определяет вопросы, которые могут разрешаться путем использования интеграционной информационной системы, принципы электронной формы взаимодействия с использованием электронных документов между как субъектами ЕАЭС, так с участием третьих лиц/государств и т.д.

С 2016 г. представителями стран-участников ЕАЭС обсуждается «цифровая повестка» ЕАЭС, направленная на создание единого цифрового пространства на территории Союза, под которым понимается «пространство, базирующееся на едином экономическом пространстве Союза, включающее цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, цифровые ресурсы, а также совокупность цифровых инфраструктур, норм регулирования, механизмов организации, управления и использования» [10].

6 декабря 2018 г. президентами государств-членов ЕАЭС была подписана Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, в которой особое внимание уделено необходимости развития инноваций и стимулирования научно-технологических исследований и разработок на территории ЕАЭС [11].

Затем, в феврале 2019 г., в рамках форума «Цифровая повестка в эпоху глобализации 2.0. Инновационная экосистема Евразии», министры цифрового развития государств-участников ЕАЭС было объявили о начале перехода к проектному формату реализации, обеспечивающему доступность информации о состоянии интеграционных процессов между государствами-членами ЕАЭС в области цифровой экономики. В связи с этим, на территории ЕАЭС ведется разработка проекта по формированию единого пространства электронного доверия, необходимого для повышения эффективности работы интегрированной информационной системы ЕАЭС путем гармонизации нормативного регулирования; производятся работы, связанные с созданием трансграничного пространства электронного доверия, включающего сервисы аутентификации, идентификации, авторизации, а также цифрового архива [12, с. 90–91].

Предполагаемым результатом проводимых действий по формированию такого трансграничного пространства электронного доверия выступает достижение возможности предоставления физическим и юридическим лицам, зарегистрированным в странах ЕАЭС, доступа к юридически значимым сервисам и услугам как на территории ЕАЭС, так и в странах, не входящих в состав организации (на основании договора о присоединении к единому пространству электронного доверия). Реализация

трансграничного пространства электронного доверия позволит признавать цифровые подписи и организовывать электронный документооборот в рамках ЕАЭС.

Актуальными становятся вопросы дальнейшего развития ЕАЭС и протекающих в его рамках глобализационных процессов. Какие же метаморфозы могут произойти в связи с установлением единого цифрового поля?

Учитывая первоочередную цель создания, упомянутую нами ранее (главным образом, создание единого экономического пространства), закономерным является вопрос создания единой валюты, действующей в рамках ЕАЭС. Такой шаг упростил бы осуществление финансовых сделок, а также сделал бы их более выгодным. А учитывая тенденцию информационно-технического объединения, становится возможным создания единой конвертируемой электронной валюты, что привело бы к полному цифровому оформлению экономических правоотношений.

Разумеется, все это требует своевременного правового регулирования, и, в контексте футурологической функции права, данной проблемы возникнуть не должно, так как рациональным будет применение предиктивной аналитики.

Как мы видим на примере ЕАЭС, глобализационные процессы трансформируются, начинают протекать принципиально новыми способами, в принципиально новых сферах. Создание единой цифровой платформы во многом упростит сотрудничество государств, физических и юридических лиц, но в то же время создаст новые требующие решения проблемы. И, как было указано нами, избежать стихийности и неконтролируемости возникающих правоотношений поможет правильное понимание и применение футурологической функции права, продуктивное сотрудничество органов власти государств-участников ЕАЭС, их специалистов, а также имплементация законодательства в сфере информационно-коммуникативных технологий.

Список источников

1. Левицкая, Т. А. Право в условиях глобализации // Социально-правовые аспекты развития Республики Беларусь и стран постсоветского пространства в условиях глобализации / под общ. ред. Н. С. Ищенко. – Гомель, 2018. – С. 161–163.
2. Бугаенко, Ю. Ю. Правовая глобализация в контексте тенденций мирового развития: сущность, специфика и перспективы / Ю. Ю. Бугаенко // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2013. – № 1. – С. 67–73.
3. Кучерков, И. А. Правовая глобализация: понятие и сущность / И. А. Кучерков, Т. В. Воронина // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 4. – С. 91–93.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года / Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://>

/www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/Documents/Forms/DispForm.aspx?ID=7 (дата обращения: 09.08.2017). – Загл. с экрана.

5. Степанова, Ю. С. Формы и способы правовой глобализации на примере ЕАЭС / Ю. С. Степанова, О. С. Шершнева // сборник научных работ серии «Право». Вып. 15: Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях / ГОУ ВПО «ДонАУиГС». – Донецк: ДонАУиГС, 2019. – С. 152–167.

6. Хотько, А. Н. Инфраструктуры, обеспечивающие обмен данными и интеграционные взаимодействия / А. Н. Хотько. – М., 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/07-09-2016/> (дата обращения: 09.08.2017). – Загл. с экрана.

7. О единой системе нормативно-справочной информации Евразийского экономического союза: Решение Коллегии Евразийской Экономической Комиссии № 155 от 17.11. 2015 г. / Официальный сайт ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsi.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 15.11.2020). – Загл. с экрана.

8. Предложения по формированию цифрового пространства / Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/KfnGgY> (дата обращения: 15.11.2020). – Загл. с экрана.

9. Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза: Приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/aa0c4fa9ba641f06aaea596cd1596d2c7a7e2107/ (дата обращения: 15.11.2020). – Загл. с экрана.

10. Калиш, Я. В. Информационная политика ЕАЭС – цифровое настоящее и будущее / Я. В. Калиш // Власть. – 2017. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-politika-eaes-tsifrovoye-nastoyashee-i-budushee> (дата обращения: 06.03.2021). – Загл. с экрана.

11. О дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза: Декларация, принятая в Санкт-Петербурге от 06.12.2018 г. / Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/07_12_2018_1.aspx (дата обращения: 15.11.2020). – Загл. с экрана.

12. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т. В. Бордачев, К. О. Вишневский, М. К. Глазатова и др.; отв. ред. Т. А. Мешкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 123 с.

Поступила в редакцию 31.03.2021 г.

THE UNIFIED DIGITAL PLATFORM OF THE EAEU - A STEP INTO THE INFORMATION FUTURE OF THE EURASIAN INTEGRATION

This article examines the evolution of globalization processes; in particular, the globalization of law, within the framework of the Eurasian Economic Union, indicates the applied methods of globalization of law, information and technical development of relations

within the Eurasian Economic Union, as well as the prospects for the development of a digital platform within the Eurasian Economic Union.

Keywords: globalization, legal globalization, information and communication technologies, digital platform.

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель кафедры теории
и истории государства
и права ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: julias.stepanova@yandex.ru

Stepanova Yulia

Senior lecturer of the Department of
Theory and History of State and Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: julias.stepanova@yandex.ru

Левицкая Татьяна Андреевна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: levona30@mail.ru

Levitskaya Tatiana

law student of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: levona30@mail.ru

УДК 34.09

Степанова Ю. С.
Присяжная М. С.

УНИФИКАЦИЯ И ГАРМОНИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЕАЭС

В статье рассмотрен ряд терминов и определений, применяемых в сфере корпоративных правоотношений отдельных стран-участниц ЕАЭС, проведен анализ выбранных автором терминов и определений основного субъекта наднациональных корпоративных отношений в рамках ЕАЭС, сделан вывод о предпочтительности применения термина «транснациональные корпорации».

Ключевые слова: корпорация, корпоративные отношения, транснациональные корпорации, ЕАЭС, понятия и определения.

Согласно ч. 1 ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС) в рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза. Статья 2 Договора о ЕАЭС определяет, что «единое экономическое пространство» – пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура; а «согласованная политика» – политика, осуществляемая государствами-членами в различных сферах, предполагающая гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных настоящим Договором [1, ст. 1–2].

Из указанных положений следует, что унификация и гармонизация национальных законодательств является необходимым фактором формирования в странах-участницах ЕАЭС не только общего правового, но и общего научно-технического, экономического и информационного пространств. Однако на сегодняшний день еще не установлено

наднациональное правовое регулирование международных частноправовых отношений в рамках ЕАЭС [2, с. 120–121].

При этом значимость последнего подтверждается Председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии Т. Саркисяном, который в марте 2019 года указал на такой шаг ЕАЭС в данном вопросе, как «разработка предложений по формированию системы евразийского корпоративного права», а также на важность воспрепятствовать возникновению возможных противоречий между наднациональным и внутригосударственным регулированиями [3]. Исходя из этого уже в мае 2019 г. Т. Саркисян отметил о возможности имплементации в право ЕАЭС опыта Европейского союза, для чего «Комиссия изучает правовой статус наднациональных европейских компаний» [4].

Л. В. Царева подчеркивает, что корпоративное право, как устоялось в теории, относилось к сфере, «замкнутой» в рамках конкретной правовой системы, а наличие тождественных наименований организационно-правовых форм в разных странах не означает тождественности их содержания [5, с. 227]. Вследствие этого мы считаем, что, прежде всего, необходимо сформировать единый подход к пониманию определений в сфере корпоративных отношений, поскольку содержание терминов предопределяет насколько качественно, справедливо и объективно будут построены указанные правоотношения в рамках ЕАЭС.

Несмотря на то, что страны-участницы ЕАЭС являются бывшими республиками СССР, а после его распада вступили в СНГ, за долгие годы их правовые системы претерпели специфические изменения, которые теперь составляют существенные отличия между ними, что определенным образом усложняет процесс гармонизации и унификации права этих государств. Относительно корпоративных отношений существуют следующие расхождения в их законодательствах.

Так в Российской Федерации в большей степени относительно других участников ЕАЭС сформирован понятийно-терминологический аппарат корпоративных отношениях, в котором, в первую очередь, следует отметить понятие «корпорации» (или корпоративные юридические лица) – юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган [6]. Также законодателем употребляются такие понятия, как «корпоративные отношения», «корпоративный спор» и т. д. Однако определенной дефиниции законодатель не устанавливает.

В законодательстве Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Казахстан и Республики Беларусь термин «корпорация» присутствует лишь косвенно, по принципу «редких вкраплений», в их нормативных актах мы можем найти отсылки к следующим категориям: в

Налоговом кодексе и Бюджетном кодексе Республики Казахстан – «корпоративный подоходный налог» [7, ст. 81, 82], в Земельном кодексе Республики Казахстан – «социально-предпринимательская корпорация» [8, ст. 9], в подзаконных правовых актах Республики Беларусь – «корпоративный рынок ценных бумаг» [9, п. 11], «корпоративная сеть электронного обмена информацией» [10] и «головная корпорация» [11]. Однако определение данных понятий в этих нормативных правовых актах не раскрывается. В Кыргызской Республике и Республике Армения подобных отсылок не найдено, однако некоторые юридические лица имеют в своем названии слово «корпорация» [12].

Также отметим, что существует некоторые расхождения в таких понятиях, как «аффилированное лицо», «бенефициар», «зависимые и дочерние юридические лица», из-за чего невозможно на основе единых подходов создать совместную и понятную систему процессуального права.

Как мы видим, в законодательстве государств-членов ЕАЭС нет общей понятийно-терминологической базы в области корпоративных правоотношений, в основу которой необходимо положить подходящие термин и определение субъекту корпоративных правоотношений в ЕАЭС, учитывая их международный характер, то есть речь пойдет о наднациональном субъекте.

Существует множество понятий субъекта наднациональных корпоративных отношений: корпорация, холдинг, компания, группа компаний, корпоративная группа, предприятие, организация, фирма, при этом, для придания им международного признака, данные понятия чаще используются в словосочетании с такими прилагательными: трансграничные, транснациональные, многонациональные, мультинациональные, международные, крупные, межнациональные, мировые, корпоративные, предпринимательские, глобальные, наднациональные и т. п.

Проблема выбора наиболее предпочтительного термина заключается в том, что существующие термины не имеют однозначных определений, также в различных источниках авторы дают разные определения терминам в зависимости от сферы применения. Например, термин «корпорация» в финансовом словаре определен как «форма организации предпринимательской деятельности, предусматривающая долевую собственность, юридический статус и сосредоточение функций управления в руках верхнего эшелона профессиональных управляющих (менеджеров), работающих по найму» [13]. При этом этот же термин в области политологии понимается как «группа людей, действующих в качестве единого юридического лица на законном основании» [14].

Также при выборе термина и определения важно помнить о балансе принципа однозначности и принципа полифункциональности научной

терминологии, последний не следует путать с противоположным принципу однозначности явлением – полисемией научного языка.

Учитывая вышесказанное, а также то, что определений насчитывается более десяти на каждый термин, мы считаем корректным, привести лишь те определения, которые на наш взгляд, в наибольшей степени подлежат применению в рамках наднациональных корпоративных отношений в ЕАЭС.

Первая попытка дать определение многонациональной компании как компании, имеющей собственные филиалы в 2-х или более странах, была осуществлена в 1960–1962 гг. [15, с. 9]. Позже, в ходе переговоров и работы ООН относительно деятельности международных монополий в развивающихся странах и вопроса их ограничения, возник термин «Транснациональная корпорация» (далее – ТНК).

Сегодня термин «транснациональная корпорация» (transnational corporation) достаточно часто применяется в терминологии международных организаций, в том числе ООН. В западной практике международного бизнеса также используются термины «многонациональная компания» (multinational company) и «многонациональная корпорация» (multinational corporation). В основной массе все эти термины являются взаимозаменяемыми.

В современной научной и учебной литературе не содержится единая однозначная формулировка определения ТНК. Раскрывая дефиницию термина «транснациональная корпорация» авторы, как отечественные, так и зарубежные, акцентируют внимание именно на международных операциях в качестве основного признака формализации ТНК.

Так, для Г. М. Вельяминова ТНК представляют собой совокупность различных самостоятельных организаций, которые объединены одной экономической целью, находятся в разных государствах и управляемы из одного центра [16].

В. Г. Ермолаева выделяет такую специфическую черту ТНК, как сочетание централизованного управления с определенной частью самостоятельности юридических лиц и структурных подразделений, которые входят в нее и находятся в разных государствах [17].

В экономической энциклопедии дается следующее определение ТНК: «Транснациональная корпорация – фирма, осуществляющая прямое зарубежное инвестирование» [18]. Аналогичное определение дает Э. А. Грязнов: «ТНК определяется как фирма, владеющая или контролирующая производственные активы в двух или более странах» [19, с. 28].

Наиболее авторитетными являются определения ТНК, которые были разработаны ЮНКТАД и Организацией Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР). В соответствии с определением ЮНКТАД,

транснациональными считаются компании, которые, во-первых, имеют дочерние подразделения любых организационно-юридических форм или сфер деятельности в двух или более странах и, во-вторых, осуществляют общую координацию деятельности своих зарубежных подразделений. ОЭСР определяет ТНК как компанию, которая включает предприятия частной, государственной или смешанной форм собственности, находящихся в разных странах; при этом одно или более из этих предприятий могут существенно влиять на деятельность других предприятий, в первую очередь в области обмена знаниями и ресурсами [20].

Анализируя правовое положение ТНК, Р. О. Фатхуллин, пришел к определению ТНК, в соответствии с которым транснациональная корпорация представляет собой экономически единую структуру, состоящую из юридических лиц, созданных и действующих на территории двух или более стран с различным национальным законом, при этом экономическое единство достигается за счет решений головной компании [21, с. 15].

Советская наука в сфере международных экономических отношений различала понятие «Транснациональная корпорация (ТНК) – предприятие, основанное на капитале собственников одной страны, которое ведет операционную деятельность в других странах» и «Межнациональная корпорация (МНК) – предприятие, образованное в результате объединения капиталов собственников из разных стран» [22, с. 111]. Однако следует отметить, что на сегодняшний день границы между этими понятиями стерлись и они применяются как взаимозаменяемые.

По мнению Е. А. Аристовой, в сравнении с термином «транснациональная корпорация» предпочтительнее использовать термин «трансграничная корпоративная группа», под которым она понимает совокупность юридических лиц, осуществляющих деятельность в двух и более государствах, наделенных самостоятельной правосубъектностью, но связанных экономическим единством и управленческим контролем головной корпорации над их деятельностью, предопределяющим особую систему принятия решений, интегрированную структуру управления и финансовую консолидацию, и в большинстве случаев позиционирующих себя как единая публичная персона [23, с. 9].

По-новаторски подошел к решению проблемы терминологии Е. А. Мальгинов, введя в научный оборот новый термин «унифицированная корпорация» и определяя его как зарегистрированная в законном порядке, в соответствии с наднациональными соглашениями организация, содержащая в своем названии слова «международная корпорация» («евразийская корпорация»), основанная на членстве ее учредителей (участников), формирующая имущество корпорации за счет внесения соответствующих вкладов (взносов), получившая возможность управлять ее

делами в порядке и форме, установленных законодательством и учредительными документами, включая возможность действовать через все взаимозависимые юридические лица такой организации, для осуществления не запрещенных законом видов деятельности на территории государств, обозначенных в межправительственных соглашениях и наднациональном законодательстве [24, с. 221–222].

Итак, проанализировав приведенные понятия и определения, мы пришли к выводу о том, что наиболее уместным и ёмким, ввиду его многократного применения, как среди соотечественников, так и за рубежом, является термин «транснациональная корпорация».

Однако наличествующие дефиниции имеют между собой принципиальные расхождения и до конца не отвечают необходимым признакам субъекта наднациональных корпоративных правоотношений. При этом, по нашему мнению, основополагающим при формулировании дефиниции указанного термина является указание на то, что таковым субъектом является юридическое лицо или группа юридических лиц, соответствующих признаку корпоративности в понимании Гражданского кодекса Российской Федерации, о котором было упомянуто выше; юридические лица, филиалы или представительства которого находятся на территориях нескольких государств; осуществляющее не запрещенные законом виды деятельности государством, на территории которых оно находится.

Следует отметить, что для более эффективного регулирования деятельности ТНК на территории ЕАЭС необходимо создание единого Соглашения о наднациональных корпоративных отношениях странах-участницах Евразийского экономического союза в рамках Договора о ЕАЭС [25, с. 267].

Таким образом, формирование понятийно-терминологического аппарата наднациональных корпоративных отношений является первым шагом на пути унификации и гармонизации правового регулирования корпоративных отношений, и наиболее важным, поскольку от него зависит направление дальнейшего развития наднациональных корпоративных отношений и их регулирования в ЕАЭС.

Список источников

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014, ред. от 01.10.2019) / СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 28.12.2020). – Загл. с экрана.
2. Кудрявец, Ю. Н. Наднациональное регулирование в ЕАЭС и источники международного частного права / Ю. Н. Кудрявец // Беларусь в современном мире: Материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос.

ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – С. 120–121.

3. Интервью Председателя Коллегии ЕЭК Тиграна Саркисяна ИА Интерфакс: «Нам хотелось бы, чтобы наднациональные предприятия появились в ЕАЭС как можно быстрее» / Евразийская экономическая комиссия, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/21-03-2019-5V.aspx> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.

4. Тигран Саркисян: «Юридические решения, которые принимались в Евросоюзе при формировании наднациональных институтов, интересны для ЕЭК» / Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/16-04-2019-2.aspx> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.

5. Царева, Л. В. Основные направления развития европейского корпоративного права / Л. В. Царева // Международная конференция «Европейский Союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества» (International conference «The European Union and Republic of Belarus: Getting Closer for Better Future»): сб. материалов. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С. 227–231.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32 / СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 05.01.2021). – Загл. с экрана.

7. Кодекс Республики Казахстан от 10 декабря 2008 г. № 99-IV ЗРК «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» // «Казахстанская правда» от 13 декабря 2008 г. № 275-277 (25722-25724).

8. Земельный кодекс Республики Казахстан от 20 июня 2003 г. № 442-III // Казахстанская правда. – 2003. – № 183-184 (24123–24124); с учетом редакционных поправок, опубликованных – Казахстанская правда. – 2003. – № 186–187 (24126–24127) // «Официальная газета» № 27–28, июль 2003 г.; Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2003. – № 13. – Ст. 99.

9. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 04.11.2006 № 1475 «Об утверждении Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 гг.» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 186. – 5/24172.

10. Приказ Комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Совете министров Республики Беларусь от 08.04.2005 № 60 «Об утверждении инструкции о корпоративной сети электронного обмена информацией между организациями по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним с использованием электронной почты» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2005. – № 71. – 8/12495.

11. Постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 07.05.2013 № 27 «Об утверждении Методики по формированию статистических показателей по внешней торговле товарами Республики Беларусь» (в ред. от 09.12.2014) // Национальный правовой интернет-портал Республика Беларусь. – 2013. – 7/2365.

12. Закон Кыргызской Республики от 23.05.2008 № 94 «О стратегических объектах Кыргызской Республики» // ЭРКИНТОО. – 2008. – № 38.

13. Терминологический словарь банковских и финансовых терминов. – 2011 / Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/14558 (дата обращения: 07.01.2021). – Загл. с экрана.

14. Политика. Толковый словарь. – М.: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир» / Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем и др.; общ. ред. И. М. Осадчая. – 2001 / Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1498/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%8> (дата обращения: 07.01.2021). – Загл. с экрана.
15. Белошапка, В. А. Транснациональные корпорации в международном бизнесе / В. А. Белошапка. – Киев: КГЭУ, 1994. – 45 с.
16. Вельяминов, Г. М. Международное экономическое право и процесс / Г. М. Вельяминов. – М.: WoltersKluwer, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bookz.com.ua/21/2.htm> (дата обращения: 03.01.2021). – Загл. с экрана.
17. Ермолаев, В. Г. Международное частное право: Курс лекций / В. Г. Ермолаев, О. В. Сиваков. – М., 1998. – 176 с.
18. Экономическая энциклопедия / Науч.-ред. совет изд-ва «Экономика», Ин-т экономики РАН; [Александрова Е. И. и др.]; гл. ред. Л. И. Абалкин и др. – М.: Экономика, 1999. – 1054 с.
19. Грязнов, Э. А. ТНК в России. Позиции крупнейших в мире транснациональных корпораций в российской экономике / Э. А. Грязнов. – М.: ООО «Фирма Инограф», 2000. – 168 с.
20. Белошапка В.А. Транснациональные корпорации в международном бизнесе. – Киев: КГЭУ, 1994. – 45 с.
21. Фатхуллин, Р. О. Правовое положение транснациональных корпораций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Фатхуллин Руслан Олегович; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. – Москва, 2014. – 23 с.
22. Литовченко, Б. В. Синергия теорий международного и стратегического менеджмента в условиях глобализации / Б. В. Литовченко // Журнал европейской экономики. – Том 10 (№ 1). – Март 2011. – С. 110–121 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.wunu.edu.ua/bitstream/316497/21755/1/%D0%9%D0%BE%20%D0%91..pdf> (дата обращения: 19.01.2021). – Загл. с экрана.
23. Аристова, Е. А. Институт ответственности трансграничных корпоративных групп в международном частном праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Аристова Екатерина Анатольевна; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2013. – 30 с.
24. Мальгинов, Е. А. Регулирование корпоративных правоотношений в Российской Федерации и государствах–членах Евразийского экономического союза: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Мальгинов Евгений Андреевич. – М., 2017. – 282 с.
25. Чепикова, В. А. К вопросу о процессе создания транснациональных корпораций на территории ЕАЭС / В. А. Чепикова, М. С. Присяжная // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. – Материалы V Международной научной конференции; под общ. ред. С. В. Беспаловой. – Донецк, 2020. – С. 265–268.

Поступила в редакцию 16.03.2021 г.

UNIFICATION AND HARMONIZATION OF THE CONCEPT AND TERMINOLOGICAL APPARATUS IN THE NATIONAL CORPORATE RELATIONS OF THE EAEU

The article considers a number of terms and definitions used in the field of corporate legal relations of individual EAEU member states, analyzes the terms and definitions of the

main subject of supranational corporate relations within the EAEU, selected by the author, and concludes that the term «transnational corporations» is preferable.

Keywords: corporation, corporate relations, transnational corporations, EAEU, concepts and definitions.

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель кафедры теории
и истории государства
и права ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: julias.stepanova@yandex.ru

Stepanova Yulia

Senior lecturer of the Department of
Theory and History of State and Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: julias.stepanova@yandex.ru

Присяжная Мирослава Сергеевна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: jacobs76@mail.ru

Prisyazhnaya Miroslava

law student of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: jacobs76@mail.ru

УДК 340.131

Степанова Ю. С.
Слайковский Е. А.

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВ- УЧАСТНИКОВ ЕАЭС И ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

В статье проведён сравнительный теоретико-правовой анализ концептуальных подходов нормативного регулирования института независимой экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в государствах-участниках ЕАЭС и Донецкой Народной Республике. В рамках сравнительного исследования автор исследует общность подходов и отличительные особенности, делает вывод об уникальности республиканской концепции независимой экспертизы проектов нормативных актов и перспективах дальнейшего повышения её эффективности.

Ключевые слова: независимая правовая экспертиза, независимая антикоррупционная экспертиза, нормативный правовой акт, институты гражданского общества, правотворчество, ЕАЭС.

Актуальность обозначенной темы состоит в том, что по состоянию на сегодняшний день институт независимой экспертизы нормативных правовых актов получил своё признание на территории пространства государств-участников Евразийского экономического союза (далее по тексту – ЕАЭС), а также получил отражение в законодательной системе Донецкой Народной Республики. Доктринальная и правоприменительная разработка механизма вовлечения и взаимодействия институтов частного сектора с публичным способствовали созданию условий для разрешения актуальных вопросов качества, эффективности, юридико-технического единства подходов, гармонизации и унификации государственного и международного регионального нормотворческого процесса на евразийском пространстве.

Такой подход позволяет реализовать также участие институтов гражданского общества в республиканской правотворческой и антикоррупционной деятельности, что актуализирует целевую методологию нашего исследования – в сравнительной ретроспективе раскрыть уникальность республиканской модели, идентифицировать направления повышения эффективности с учетом представленного далее опыта.

© Степанова Ю. С., Слайковский Е. А., 2021

Соответственно, задачами представленного исследования выступают: проведение сравнительно-правового анализа нормативного регулирования независимой экспертизы нормативных правовых актов в государствах ЕАЭС и Донецкой Народной Республике; выявление отличительных особенностей рассматриваемых моделей правового регулирования; определение уникальности регулятивного подхода в Донецкой Народной Республике и направлений повышения эффективности исследуемого института.

Исследованиям по доктринальному обоснованию обозначенного явления в юридической науке посвящены работы А. В. Кима, О. А. Коротковой, Е.-Д. С. Третьяковой, Е. В. Раздьяконовой, А. В. Нечкина, Е. И. Юлегиной. Методологическим основам общественной и независимой антикоррупционной экспертизы посвящены работы экспертов Е. В. Каменской, А. А. Рождественной, В. В. Астанина, Д. В. Адриановой и др. В широком смысле (А. В. Ким, Е.-Д. С. Третьякова, Е. В. Раздьяконова, Е. В. Каменская и др.) независимую (негосударственную) экспертизу нормативных правовых актов целесообразно рассматривать в тройственном аспекте: как самостоятельный вид экспертной деятельности на профессиональной основе, как элемент правотворческого процесса, как институт гражданского общества.

В узком смысле, остановимся на определении Третьяковой Е.-Д. С. и Раздьяконовой Е. В.: независимая экспертиза представляет собой процессуальную деятельность на общественных началах уполномоченных независимых (аккредитованных) экспертов и специалистов в сфере права, не принимавших участие в разработке документа направленную на исследование нормативных предписаний [1, с. 38].

В качестве основополагающего правового базиса унификации процесса экспертного анализа законодательства ряда государств евразийского пространства выступает Конвенция против коррупции от 31 октября 2003 года, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 58/4. В частности, международные нормы Конвенции, посвященные политике и практике предупреждения и противодействия коррупции как политико-правового и социального дефектного явления, содержат предпосылки становления исследуемого механизма [2].

Ранее, институт независимой экспертизы нормативно-правовых актов был учреждён в Казахстане. В 1998 г. Постановлением Правительство Республики Казахстан от 30.05.2002 г. № 598 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» учреждена на нормативном уровне независимая научная экспертиза [3, с. 68]. Так, в соответствии с п. 1 ст. 23 Закона Республики Казахстан «О правовых актах» научную экспертизу осуществляют привлекаемые аккредитованные учёные и специалисты, а также организации, представленные научными учреждениями и высшими учебными заведениями по направленности

исследуемых вопросов в отношении проектов нормативных документов [3, с. 69]. Отличительной чертой данной модели полагается возможность осуществлять независимую научную экспертизу лицами, имеющими образовательный уровень «Магистр», не имеющими звания и учёной степени, а также детальная регламентация проведения научной правовой экспертизы и научного экономического исследования [4].

В настоящее время процессуальная регламентация научной экспертизы закреплена в Постановлении Правительства Республики Казахстан от 31 августа 2016 года № 497 «Об утверждении Правил проведения научной экспертизы проектов нормативных правовых актов» (далее – Постановление № 497). Соответственно предметная область научной экспертизы достаточно широкая и включает научно-правовую, экономическую, лингвистическую экспертизы (пп. 3 п. 1 Постановления № 497) [4]. Особое внимание заслуживает регулирование самостоятельной научной экспертизы отраслевыми специалистами, возможность проведения повторной и дополнительной экспертиз. Кроме того, в соответствии с Постановлением Правительства Республики Казахстан от 14 сентября 2010 г. № 494 «Об утверждении Правил проведения научной экспертизы по международным договорам, участницей которых намеревается стать Республика Казахстан, а также по проектам международных договоров» подзаконно расширяется предмет научной экспертизы исследованием международных договоров и их проектов, что представляет особый интерес, как для представленного научного исследования, так и практической деятельности.

Закон Киргизской Республики от 8 августа 2012 г. № 153 «О противодействии коррупции» в качестве предмета антикоррупционной экспертизы предусматривает нормативные правовые акты и их проекты. Согласно ч. 3, ч. 4 ст. 20 указанного Закона, антикоррупционная экспертиза определяется, прежде всего, как независимая научная экспертиза. Законодательство представляет возможным выделение трёх категорий субъектов экспертизы: парламент, организации гражданского общества и независимые аккредитованные эксперты. Особый интерес представляет возможность привлечения при экспертизе проектов подзаконных актов, с целью исключения конфликта интересов иностранных независимых специалистов, представителей международных организаций, что является особенностью киргизской модели [5].

Концепция Республики Узбекистан подразумевает подход, подобный киргизской модели, то есть, проведение, в соответствии с Законом Республики Узбекистан «О нормативных правовых актах» наряду с ведомственной экспертизой независимого исследования аккредитованными экспертами научных учреждений, специалистами на общественных началах, а также негосударственными организациями гражданского общества.

Обособленность данного подхода проявляется в единстве юридического и антикоррупционного исследования с выработанной общей методикой [6].

Азербайджанская концепция основывается на едином регулировании правового и антикоррупционного исследования проектов нормативных правовых актов аналогично узбекской модели. Согласно статье 31 Конституционного Закона Азербайджанской Республики от 21 декабря 2010 г. № 21-IVKQ «О нормативных правовых актах» независимая научная экспертиза проектов нормативных актов проводится с целью обеспечения высокого качества, обоснованности, законности и актуальности разрабатываемых проектов, создания научно обоснованной системы принимаемых нормативных правовых актов. Особенность независимой научной экспертизы проявляется в анализе экологического воздействия и негативных последствий принятия акта, возможности участия экспертов в обсуждениях проекта законодательного акта в составе коллегиального органа [7].

В Таджикистане законодатель избегает прямого регулирования вопросов ведомственной и независимой экспертизы проектов законодательных и административных документов, однако, в Законе Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 г. № 925 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» предусматривается, наряду с государственной, общественная антикоррупционная экспертиза на основании обращений граждан, общественных организаций в органы государственной власти, либо местного самоуправления. В целом, данная конструкция имеет общность с проведением правовой (научной) экспертизы [3, с. 70].

Институт независимой экспертизы проектов нормативных правовых актов в Российской Федерации (далее по тексту – РФ, Россия), при отсутствии единого законодательного акта о нормативных правовых актах, имеет наиболее детальную регламентацию среди рассмотренных государств евразийского пространства в отношении независимой антикоррупционной экспертизы, которая подразумевает многоуровневую федеральную, региональную (на уровне субъектов РФ) систему, а также рассматривается в качестве элемента правотворческих процессов местного самоуправления.

Данные обстоятельства нашли своё отражение в проекте Федерального Закона РФ от 17.07.2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Как отмечалось в пояснительной записке к законопроекту: *«...нормативные правовые акты...содержат нормы, которые формально не противоречат законодательству, но представляют...широкие дискреционные полномочия без определения критериев принятия решения»*. Наряду с этим, Закон в статье 5 закрепил возможность институтов гражданского общества и аккредитованных граждан РФ принимать участие в проведении независимой антикоррупционной экспертизы [8].

За 2015 г. органами прокуратуры проведена антикоррупционная экспертиза около пятисот тысяч нормативных правовых актов (далее по тексту – НПА), из них 28500 содержали коррупциогенные факторы. Более 90 % выявленных прокурорами нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы, противоречили действующему законодательству. В 2016 году количество достигло около одного миллиона проверенных НПА, среди которых 5 % не соответствовали федеральному антикоррупционному законодательству [9]. На тот период независимая экспертиза была введена на территории всех субъектов РФ, а потому, соответственно, проявила высокую эффективность в росте положительной динамики.

При этом, к характерным отличительным чертам российского механизма независимой профессиональной экспертной деятельности относится жёсткая регламентация правового статуса независимого эксперта, выраженная в ряде запретов: возможность аккредитации предоставлена только гражданам РФ, то есть, не могут быть аккредитованы иностранные физические лица-специалисты, лица без гражданства; независимая антикоррупционная экспертиза проводится на данный момент исключительно в рамках самофинансирования [10]. Также, в соответствии с изменениями от 2018 года в ФЗ № 172 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» не допускается проведение независимой антикоррупционной экспертизы иностранными и международными организациями, некоммерческими организациями, имеющими статус иностранных агентов. К примеру, с 2018 г. аккредитации на коррупционное исследование лишена международная организация Transparency International (TI) [11].

Среди ограничений к аккредитации граждан на проведение независимой антикоррупционной экспертизы Федеральный Закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» в ч. 1.1 ст. 5 относит наличие неснятой или непогашенной судимости; наличие взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения к включенным в реестр лицам, уволенным в связи с утратой доверия [10].

Мониторинговая тенденция нашла своё отражение в Указе Президента РФ от 29.06.2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы», в части усиления совместного мониторинга Министерством юстиции, Министерством внутренних дел, Федеральной службой безопасности и Генеральной прокуратурой РФ деятельности некоммерческих организаций (в том числе, аккредитованных на проведение независимой антикоррупционной экспертизы) [12]. Параллельно, программа нацелена на привлечение через мероприятия Генеральной прокуратуры РФ к общественным, экспертным слушаниям плановых реформ по противодействию коррупционным явлениям.

Так, например, на период 2019 года – первого квартала 2020 года Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Союзом «Рязанская торгово-промышленная палата» и пятью аккредитованными экспертами проведено и учтено в органах государственной власти в общей сложности пять заключений независимой антикоррупционной экспертизы в отношении семи постановлений Правительства Рязанской области по вопросам регионального государственного контроля долевого строительства многоквартирных домов, иной недвижимости, по делам несовершеннолетних и др. [13]

Учреждение независимой правовой и независимой антикоррупционной экспертизы в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) обосновано закономерностью интенсивного нормотворческого процесса последних лет. Только за 2019 год проведена правовая экспертиза 689 нормативных актов (за период 2018 года – 602), поступивших в Министерство юстиции для осуществления государственной регистрации. По результатам проведения правовой экспертизы выявлено, что в 485 НПА (70 % от общего количества НПА, в отношении которых проведены правовые экспертизы), представленных для проведения государственной регистрации в Министерство юстиции, не соответствовали действующему законодательству ДНР; в 123 НПА (18 % от общего количества) выявлены нарушения правил юридической техники, в том числе допущение орфографических ошибок, опечаток [14].

В соответствии с ч. 2, ч. 3 ст. 31 Закона ДНР от 07.08.2015 г. № 72-ІНС «О нормативных правовых актах» к субъектам независимой экспертизы относятся аккредитованные при Министерстве юстиции экспертные организации из числа научных, образовательных и иных организаций соответствующего профиля, физические лица-эксперты из числа ученых и специалистов, которые не принимали непосредственного участия в подготовке проекта и не находятся в ведении органа государственной власти, органа местного самоуправления, осуществляющего подготовку данного проекта нормативного правового акта [7].

Для аккредитации субъектов на проведение независимой правовой экспертизы к необходимым требованиям относят: высшее профессиональное юридическое образование уровня «Специалист» или «Магистр», стаж работы по юридической специальности не менее 5 лет, осуществление на день подачи заявления научной, образовательной и иной профессиональной деятельности в сфере юриспруденции для юридических лиц – не менее 3 сотрудников в штате, подлежащих аккредитации. Подобные требования закрепляет и Закон ДНР от 14.09.2018 г. № 244-ІНС «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Данный Закон также включает в предметный состав экспертизы устав муниципального образования, муниципальные акты, иные акты местного самоуправления, подлежащие государственной регистрации [15].

Особенностью республиканской модели исследуемого института является нормативно-процессуальное отграничение независимой экспертной деятельности в проведении независимой правовой и независимой антикоррупционной экспертизы. Однако данный отличительный подход порождает определенную степень неясности, поскольку отсутствует детальная подзаконная регламентация в отношении проведения независимой правовой экспертизы. Более того, исходя из схожего объектного и предметного содержания проведения экспертного исследования, проблемным остаётся разграничение в содержании порядка проведения обозначенных видов экспертиз, поскольку правовая природа независимой правовой экспертизы в Республике позволяет соотнести её в отношении независимой антикоррупционной экспертизы как общее к частному, что порождает определенную коллизию. Альтернативное решение проблемы видится нами в имплементации опыта казахстанской модели по обобщению отраслевых экспертиз в единое кодифицированное регулирование научной экспертизы.

Иной уникальной особенностью республиканской модели можем отметить основание в декабре 2019 года Экспертного совета по вопросам независимой правовой экспертизы. В соответствии с Положением об Экспертном совете, утверждённым Приказом Министерства юстиции Донецкой Народной Республики (далее по тексту – Минюст ДНР) № 1053-ОД [16], его задачами являются организация взаимодействия Минюста и гражданского общества в сфере повышения качества правотворчества, в том числе, с экспертами и экспертными организациями, уполномоченными на проведение независимой правовой экспертизы, научными, творческими, правозащитными, общественными объединениями и религиозными организациями, выработка экспертного мнения по проектам нормативных правовых актов, вынесенным на общественное обсуждение.

Тем не менее, остаётся неразрешенной проблема координационного взаимодействия, что выражается в отсутствии регламентации процессуального порядка в отношении проведения независимой правовой экспертизы. Так, действующая редакция Порядка проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов, представленных на государственную регистрацию не уделяет внимание вопросам проведения независимой правовой экспертизы и учёта результатов заключения [17]. Нами видится решение данного пробела в принятии новой редакции Порядка, либо принятии отраслевого подзаконного акта.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, в обобщенной форме мы можем прийти к следующим выводам:

1. Основной тенденцией рассмотренных моделей регулирования института независимой экспертизы нормативных правовых актов является их законодательная кодификация, содержащая общность подходов и целевых задач развития данного явления в правотворчестве. Независимо от

особенностей национальных систем, общим звеном является приоритет вовлечения в правотворческую деятельность общественных институтов;

2. Российская модель правового регулирования имеет наиболее обширный опыт как регулятивной, так правоприменительной практики проведения независимой антикоррупционной экспертизы, которая в настоящее время «de-jure» имеет статус неотъемлемого элемента государственной социальной антикоррупционной политики;

3. Уникальность правового регулирования независимой экспертизы в Донецкой Народной Республике заключается в развитии параллельных отраслевых видов деятельности посредством их отграничительной регламентации, а также осуществление межведомственной политики посредством создания организационных структур по координационному взаимодействию государственного и общественного секторов. Однако, имплементация практики других государств необходима для нормативизации общего подхода и устранения обозначенных коллизий.

В заключение отметим, что проведенное исследование межгосударственных доктрин реализации института независимой экспертизы проектов нормативных актов позволяет в сравнительной ретроспективе проанализировать и подчеркнуть опыт взаимодействия частных и публичных механизмов в системе правотворчества, необходимый в реализации дальнейшего институционального развития экспертизы в системе законодательства Донецкой Народной Республики.

Список источников

1. Третьякова, Е.-Д. С. Правовая экспертиза нормативных правовых актов: учебное пособие / Е.-Д. С. Третьякова, Е. В. Раздьяконова // РАНХиГС, Сибирский институт управления. – Новосибирск: Издательство СибАГС, 2016. – 168 с.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН / СПР «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/ (дата обращения: 31.11.2019). – Загл. с экрана.
3. Воказе, К. К. Юридическая экспертиза в законотворческом процессе: проблемы и перспективы совершенствования / К. К. Воказе // Право и государство. – 2014. – № 1. – С. 67–69.
4. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 августа 2016 года № 497 «Об утверждении Правил проведения научной экспертизы проектов нормативных правовых актов» / Информационно-правовая система НПА «дiлет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000497> (дата обращения: 22.12.2020). – Загл. с экрана.
5. О противодействии коррупции: Закон Киргизской Республики от 8 августа 2012 г. № 153 (ред. от 18.03.2017) / Официальный сайт Министерства юстиции Киргизской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/203753/40> (дата обращения: 31.11.2019). – Загл. с экрана.

6. О нормативных правовых актах: Закон Республики Узбекистан от 24 декабря 2012 г. № ЗРУ-342 (ред. от 02.11.2019 г.) / Официальный сайт Министерства юстиции Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.minjust.uz/ru/library/own_publications/71204/ (дата обращения: 31.11.2019). – Загл. с экрана.
7. О нормативных правовых актах: Закон Республики Азербайджан от 21 декабря 2010 года № 21-IVKQ (ред. от 03.05.2019) / Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=33085 (дата обращения: 31.11.2019). – Загл. с экрана.
8. За счет собственных средств смогут провести антикоррупционную экспертизу законов даже рядовые граждане / Российская газета // Федеральный выпуск №96(4916) от 22.05.2009 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2009/05/22/ekspertiza.html> (дата обращения: 31.11.2019). – Загл. с экрана.
9. Антикоррупционная экспертиза правовых актов в порядке надзора / Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/anticor/expert/nadzor/> (дата обращения: 31.11.2020). – Загл. с экрана.
10. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ, принят ГД РФ 3 июля 2009 года (ред. от 11.10.2018) / СПР «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/ (дата обращения: 31.11.2019). – Загл. с экрана.
11. Путин запретил НКО-иноагентам участвовать в антикоррупционной экспертизе / РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20181011/1530468013.html> (дата обращения: 31.11.2020). – Загл. с экрана.
12. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 / Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/43253/page/1> (дата обращения: 15.11.2020). – Загл. с экрана.
13. Информация о результатах антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов, выявленных коррупционных факторах за 2019 год – первый квартал 2020 года / Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/node/439511> (дата обращения: 31.11.2020). – Загл. с экрана.
14. О нормативных правовых актах: закон, принят постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики от 07.08.2015 № 72-ИНС (с изм. и доп. в ред. от 24.04.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/> (дата обращения: 25.04.2020). – Загл. с экрана.
15. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: закон, принят постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики от 14.09.2018 № 244-ИНС (с изм. внесенными законом от 12.03.2020 № 108-ИНС) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ob-antikorrupsionnoj-ekspertize-normativnyh-pravovyh-aktov-i-proektov-normativnyh-pravovyh-aktov/> (дата обращения: 28.03.2020). – Загл. с экрана.
16. Положение об Экспертном совете по вопросам независимой правовой экспертизы при Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики: утв. приказом Министерства юстиции ДНР от 4.12.2019 №1053-ОД / Государственная информационная

система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0001-13-20150119/> (дата обращения: 10.04.2020). – Загл. с экрана.

17. Степанова, Ю. С. Актуальные проблемы функционирования Экспертного совета по вопросам независимой правовой экспертизы в Донецкой Народной Республике / Ю. С. Степанова, Е. А. Слайковский // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. – Донецк: ГОУ ВПО «ДонНУ», 2020. – С. 196–199.

Поступила в редакцию 11.01.2021 г.

FEATURES OF THE CONCEPTUAL DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF INDEPENDENT EXAMINATION OF REGULATORY LEGAL ACTS IN THE LAW-MAKING SYSTEM OF THE EAEU STATES AND THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC (COMPARATIVE-LAW)

This article presents a comparative theoretical and legal analysis of the conceptual approaches of the regulatory regulation of the Institute of independent expertise of normative legal acts and their projects in the countries of EAEU and the Donetsk People's Republic. In the framework of the comparative study, the author examines the commonality of approaches and distinctive features, concludes about the uniqueness of the Republican concept of independent examination of draft regulations and the prospects for further improving its effectiveness.

Keywords: independent legal expertise, independent anti-corruption expertise, normative legal act, civil society institutions, law-making, EAEU.

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель кафедры теории
и истории государства
и права ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: julias.stepanova@yandex.ru

Stepanova Yulia

Senior lecturer of the Department of
Theory and History of State and Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: julias.stepanova@yandex.ru

Слайковский Егор Андреевич

студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк.
E-mail: slaykovskiy99@inbox.ru

Slaykovskiy Egor

law student of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: slaykovskiy99@inbox.ru

УДК 343.01

Тимошенко Н. А.

Егурнов А. А.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье рассматриваются вопросы правового и полицейского сотрудничества в сфере борьбы с трансграничной преступностью между государствами-членами Евразийского Экономического Союза, исходя из опыта и действующих положений в сфере сотрудничества государств-членов Европейского Союза, а также существующих элементов сотрудничества Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь.

Ключевые слова: сотрудничество, уголовный-процесс, суд, оперативная информация, интеграция, компетенция, внутренние границы, внешне государственные границы, пропускной пункт, трансграничное перемещение.

С подписанием Декларации о евразийской экономической интеграции [1] возникла основополагающее направление формирования интеграционного образования Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Вместе с тем не стоит ограничивать понятие «евразийская интеграция» одним лишь ЕАЭС. В данной ситуации Союз является одним из основных компонентов, под которым стоит понимать систему интеграционных процессов в рамках постсоветского пространства, а также участие иных государств за такими пределами [2]. При этом зачастую, организации, которые являются частью такой интеграции (СНГ, ОДКБ и т.д.) обладают куда более широкой компетенцией не ограниченной вопросами экономического характера.

Цель данного исследования заключается в обосновании пересмотра вопросов сотрудничества между членами ЕАЭС в сфере трансграничного передвижения лиц и борьбы с трансграничной преступностью.

В рамках данного исследования под сотрудничеством в сфере трансграничного передвижения лиц и трансграничной преступности мы понимаем создание между государствами-членами определенного, общего, пространства в рамках которого возможно беспрепятственно осуществлять контроль за лицами, осуществляющими перемещение через государственную

границу государств-членов ЕАЭС, а также в взаимосвязи различных государственных органов в процессе осуществления своей компетенции.

Стоит также отметить тот факт, что в Договоре о ЕАЭС отсутствует как таковое положение регламентирующее сотрудничество государств-членов в сфере трансграничного передвижения лиц и трансграничной борьбы с преступностью. Но это по своей сути не означает, что государства-члены ЕАЭС навсегда отказались от такой идеи развития сотрудничества в данной сфере. Это также не означает тот факт, что государства-члены фактически не взаимодействуют по таким вопросам на двусторонней основе на данный момент.

При этом сотрудничество должно включать в себя определенные механизмы, способствующие обеспечению беспрепятственного пересечения лицами внутренних границ участвующих государств, а также по реализации эффективного взаимодействия правоохранительных органов в сфере борьбы с трансграничной преступностью. По нашему мнению, данные механизмы взаимосвязаны, ведь реализация беспрепятственного передвижения лиц невозможна без определённого уровня межгосударственного сотрудничества между государствами-членами ЕАЭС.

Такое пространство может базироваться на принципах пространства свободы, безопасности и правосудия реализованного в Европейском Союзе. Однако не стоит забывать, что сотрудничество в рамках ЕАЭС должно иметь собственные, основополагающие принципы, поскольку ЕС создаваясь исключительно как экономическая организация, в рамках которой, не делегируются полномочия в области борьбы с преступностью и трансграничного передвижения лиц [3].

Также стоит упомянуть, что вместе с развитием экономической интеграции, вплоть до создания ЕАЭС, вопросы трансграничного передвижения лиц и трансграничной преступности уже поднимались на уровне ЕврАзЭС. Так, 9 декабря 2010 г. Межгосударственный совет ЕврАзЭС принял решение № 70 «Об унификации паспортно-визового контроля в государствах-членах Таможенного союза» [4], по которому уполномоченные комиссии Таможенного союза совместно с компетентными органами государства изучают возможности унификации паспортно-визового контроля и его постепенной отмены на общих государственных границах. Данный акт имел сугубо процедурный характер и не привел к созданию каких-либо конкретных правил.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день сама идея создания на просторах ЕАЭС свободы трансграничного передвижения лиц находится лишь на стадии обсуждения.

Однако на постсоветском пространстве уже существует пример стабильного сотрудничества в сфере перемещение лиц через

государственную границу. Так, в рамках союзного государства России и Белоруссии было создано пространство без внутренних границ, которое по характеру можно сравнить с Шенгенским пространством, но при этом также существуют и отличия. Так, например, в Союзном государстве свобода передвижения гарантируется только лишь гражданам Российской Федерации и Республики Беларусь, а в зоне Шенгена привилегиями при пересечении границ пользуются абсолютно все лица, в независимости от их гражданства.

В Союзном государстве для иностранных граждан создан определенный порядок, регламентирующий правила пересечения государственной границы Российской Федерации и Республики Беларусь. При этом для иностранных граждан возникают определенные затруднения, поскольку между Российской Федерацией и Республикой Беларусь фактически границы нет, однако юридически она существует. Кроме того в данном пространстве нет единой визовой политики. Исходя из этого, можно сделать вывод, что на данный момент формирование общего пространства без внутренних границ не завершено.

По отношению к другим участникам ЕАЭС реализуется стандартный безвизовый режим для пересечения государственной границы. В области противодействия и борьбы с преступностью осуществляется политика двухсторонних контактов в рамках интеграционных образований на Евразийском пространстве [5]. Также к одному из существующих способов борьбы с преступностью можно отнести модельные уголовные и уголовно-процессуальные кодексы государств-членам ЕАЭС.

В целом трансграничное передвижение включает в себя упрощенный порядок пересечения внутригосударственных границ, а также общий порядок пересечения внешних границ с иными государствами и согласованная общая иммиграционная и визовая политика.

Говоря о трансграничной преступности, стоит также отметить сотрудничество государств-членов ЕАЭС. Под сотрудничеством можно понимать достаточно разнообразный вид деятельности, который так или иначе включает в себя полицейское сотрудничество и правовое сотрудничество по уголовным делам, которое может включать в себя сотрудничество в сфере уголовно-процессуальной деятельности и в сфере гармонизации и унификации уголовного права в целом.

Такое сотрудничество, по нашему мнению, в первую очередь должно быть направлено на трансграничное передвижение лиц. Основная цель данной деятельности заключается в том, чтобы обеспечить свободное передвижение и перемещение всех лиц независимо от их гражданства через внутригосударственную границу в рамках ЕАЭС.

Такой упрощенный порядок передвижения через внутренние границы, возможно реализовать с использованием опыта Европейского Союза.

Подобный порядок закреплён в статье 22 Шенгенского кодекса о границах [6] и предполагает, что границы могут пересекаться в любом месте без проведения каких-либо пограничных проверок в отношении лиц независимо от их гражданства.

Однако в случае ЕАЭС необходимо упомянуть тот факт, что общая протяжённость и специфика границ между членами ЕАЭС не предполагает безоговорочную рецепцию таких положений, а следовательно необходимо их изменять.

Для этого необходимо установить, что передвижение и перемещение через внутренние границы членов ЕАЭС возможно только в заранее установленных и определенных местах (например, по автомобильным дорогам международного сообщения или по судоходным рекам, или с использованием международных аэропортов и морских портов). При этом необходимо ввести взамен регулярного паспортного контроля выборочный, который мог бы осуществляться как в пределах пункта пропуска, так и вне таких пределов. В целом это может привести к отмене регулярного пограничного контроля.

Сотрудничество между государствами также должно затрагивать вопросы, связанные с борьбой с преступностью независимо от наличия или отсутствия в рамках ЕАЭС компетенции в сфере свободы передвижения граждан.

Основополагающим элементом сотрудничества в сфере борьбы с преступностью является создание механизма обмена оперативной и процессуальной информацией между правоохранными органами. Этот механизм должен предоставить возможность быстрого обмена различной информацией между различными правоохранными органами, невзирая на их уровень и различные процедуры.

Как образец такого механизма и в дальнейшем для рецепции можно использовать так называемый Прюмский механизм, основой которого выступает решение Совета ЕС № 2008/615/JHA17 и решение № 2008/616/JHA [7]. Этот механизм предусматривает создание системы обмена оперативной информацией, основанной на принципе доступности. Данный принцип позволяет предоставить прямо доступ правоохранным органам к любой информации, которая может содержаться в базах данных других государств-членов ЕС.

Вместе с тем, стоит также сказать, что реализация принципа сотрудничества государств, предполагает реализацию тесного сотрудничества в процессуальной сфере, а в некоторых случаях и реализацию гармонизации уголовного законодательства в целом.

По нашему мнению, основным элементом сотрудничества связанным с уголовным процессом является создание внутрисоюзных механизмов,

способствующих правовой помощи по различным уголовным делам, а также в вопросах экстрадиции преступников. Кроме того, в дальнейшем, возможно, рассмотреть вопрос о создании центральной (общей) судебной системы, которая могла бы основываться на признании судебных решений государств-членов ЕАЭС. Также некоторые исследователи предлагают создать специальный полицейский орган, который бы отвечал за оперативное сотрудничество полиции различных государств-членов ЕАЭС, и назвать такой орган Евразийской полицией (Евразпол) [5].

Таким образом, возможно, сформулировать следующие шаги, направленные на развитие сотрудничества в сфере борьбы с трансграничной преступностью и беспрепятственным перемещением лиц через государственную границу.

Во-первых, создание специального координационного центра, в компетенцию которого входило бы информирование национальных правоохранительных органов и возможных перемещениях преступного элемента как на границы двух стран. Так и на территории соседних государств-членов ЕАЭС.

Во-вторых, совместно согласованная и общая миграционная и визовая политика. Такая политика может выражаться, например, в возможности получения иностранным гражданином визы одного государства-члена ЕАЭС и беспрепятственным перемещением с помощью данной визы на территории остальных государств. Кроме того, такая виза позволит отслеживать действия иностранного гражданина в той или иной стране в целях предотвращения или розыска преступника специально уполномоченными органами.

В-третьих, общий порядок пересечения внешних границ для граждан государств-членов ЕАЭС. Кроме того, возможно создание со специальных баз данных, с помощью которых возможно было бы определить список иностранных лиц нежелательных для въезда в страну или лиц совершивших преступление за пределами государства. Такая база будет способствовать обмену информацией не только о нежелательных иностранцах, но и о гражданах государств-членов ЕАЭС.

Список источников

1. Декларация о евразийской экономической интеграции (г. Москва, 18 ноября 2011 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1091> (дата обращения: 02.12.2020). – Загл. с экрана.
2. Соколова, Н. А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права / Н. А. Соколова // Lex Russica. – 2017. – № 11. – С. 47–57.
3. Четвериков, А. О. Правовое регулирование либерализации трансграничных отношений: опыт Европейского Союза: автореферат дисс. ... доктора юридических наук: 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Четвериков Артем Олегович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина]. – М., 2010. – 44 с.

4. Решение № 70 «Об унификации паспортно-визового контроля в государствах-членах Таможенного союза» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902338376> (дата обращения: 13.11.2020). – Загл. с экрана.
5. Гапоненко, В. Ф. Нужна ли евразийская полиция (Евразпол) для единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза? / В. Ф. Гапоненко, В. В. Падалка // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 12. – С. 253–257.
6. Регламент (ЕС) 2016/399 Европейского парламента и Совета от 9 марта 2016 г. о Кодексе Союза о режиме пересечения людьми границ (Шенгенском кодексе о границах) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.ru/content/borders-code/> (дата обращения: 18.11.2020). – Загл. с экрана.
7. Войников, В. В. Перспектива развития в рамках Евразийского экономического Союза сотрудничества в области трансграничного передвижения лиц и борьбы с преступностью / В. В. Войников // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 159–171.

Поступила в редакцию 11.12.2020 г.

COOPERATION IN THE FIELD OF STRUGGLE WITH CROSS-BORDER CRIME WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article considers the issues of legal and police cooperation in combating cross-border crime between the States members of the Eurasian Economic Union, based on experience and existing regulations in the sphere of cooperation of the member States of the European Union, as well as existing elements of cooperation of the Union state of Russia and Belarus.

Keywords: cooperation, criminal procedure, court, operational information, integration, competence, internal borders, external state borders, checkpoint, cross-border movement.

Тимошенко Нина Александровна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Tymoshenko Nina
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
criminal law and procedure of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Егурнов Андрей Александрович
студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: niychel@mail.ru

Egurnov Andrey
law student of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: niychel@mail.ru

УДК 343.01

Тимошенко Н. А.
Матвийчук А. О.

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассмотрены перспективы развития уголовного судопроизводства в рамках евразийской интеграции. Для повышения эффективности уголовного судопроизводства в рамках евразийской интеграции проанализирован опыт такого интеграционного объединения как Европейский Союз.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, сотрудничество, евразийская интеграция, Европейский Союз, взаимная правовая помощь, Европейская прокуратура.

Для обеспечения эффективного и справедливого уголовного судопроизводства, которое будет противодействовать транснациональной преступности на современном этапе евразийской интеграции в рамках Евразийского Экономического Союза (далее – ЕАЭС) требуется совершенствование уголовного судопроизводства на территории евразийского пространства.

Цель статьи – проанализировать перспективы развития уголовного судопроизводства в рамках евразийской интеграции.

Как справедливо отмечает А. Г. Волеводз, содержание УПК РФ и двусторонних договоров о взаимной правовой помощи по уголовным делам и международных договоров о выдаче в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства не позволяют получать и оказывать всестороннюю взаимную правовую помощь по уголовным делам в том объеме, в каком это необходимо для полной реализации задач уголовного судопроизводства, а также не обеспечивают перспективу расширения круга форм правовой помощи, о чем свидетельствует отсутствие в большинстве договоров упоминания о допустимости оказания любой помощи, не противоречащей внутреннему законодательству запрашиваемого государства, хотя такая оговорка стала обычной нормой для большинства стран мира [1, с. 283].

Для повышения эффективности уголовного судопроизводства в рамках евразийской интеграции целесообразно обратиться к опыту такого

интеграционного объединения как Европейский Союз (далее – ЕС). В ЕС сотрудничество судебных органов по уголовным делам основывается на принципе взаимного признания судебных решений и постановлений суда и включает меры по сближению законодательства государств-членов в ряде областей. Лиссабонский договор [2] заложил более прочную основу для развития сферы уголовного правосудия. Легальной базой судебного сотрудничества по уголовным делам служат статьи 82–86 Договора о функционировании Европейского Союза [3].

Лиссабонский договор оказал большое влияние на становление уголовной политики ЕС, так например, вышеуказанный договор ввел в Договор о функционировании ЕС раздел регулирующий пространство свободы, безопасности и правосудия разделив сотрудничество судебных органов по категориям соответственно гражданские дела, уголовные дела и полицейское сотрудничество.

Кроме того договор ввел новый метод, применяемый при принятия того или иного решения в вопросах полицейского и судебного сотрудничества по уголовным делам. То есть, данный договор кардинально изменил процедуру принятия решений, введя механизм совместного принятия решения Советом и Европарламентом, наделив Комиссию правом законодательной инициативы и обеспечив принятие решения квалифицированным большинством.

Вместе с тем данный договор также затронул и источники регулирования данной сферы, были упразднены так называемые источники третьей опоры (в эту группу входят рамочные решения, общие позиции, конвенции) на данный момент действующими являются только источники первой опоры, а именно регламенты директивы и другие.

Стоит отметить также, что значительно увеличилось значение различных национальных парламентов в сфере механизма оценки политики ЕС в данной сфере.

Затронули изменения и главный суд ЕС. Он получил общую юрисдикцию по различным вопросам, связанным с толкованием и проверкой законности и действительности актов в сфере полицейского и судебного сотрудничества.

И наиболее основным изменением, по нашему мнению, является возникновение должности Европейского прокурора, деятельность которого будет направлена на расследование, преследование и защиту в судебных органах дел связанных с общими финансовыми интересами ЕС.

В целом общей тенденцией развития нормативного регулирования сотрудничества в уголовно-правовой сфере на сегодняшний день выступает замещение документов обладающих международно-правовой природой наднациональными инструментами. Ярким примером может служить

принятая в 2005 году семью государствами ЕС Конвенция о расширении трансграничного сотрудничества, которая затронула различные сферы, такие как: борьба с терроризмом, трансграничная преступность нелегальная миграция и др. Спустя несколько лет в 2008 году Совет ЕС с целью инкорпорации положений данной Конвенции принял решения, которое повторяло Конвенцию.

Обратившись к более раннему акту, регулировавшему данный вопрос, мы увидим, что сотрудничество основывалось на статье 30 Амстердамского договора, в котором были установленные основные направления действий, принимаемых всеми государствами-членами.

К таким действиям, например, относились: во-первых, оперативное сотрудничество между различными уполномоченными органами (полицейские, таможенные и иные специализированные службы правового принуждения связанные с предупреждением и выявлением различных уголовных правонарушений, а также по вопросам расследования таких дел); во-вторых, сбор, хранение, обработка, анализ и обмен конкретной информацией имеющейся у правоохранительных органов в отношении различных сообщений о финансовых сделках с соблюдением защиты данных личного характера; в-третьих, активное сотрудничество в вопросах обучения и повышения квалификации, а также обмена офицерами по связи, в том числе использование специального криминалистического оборудования, а также оценка специальных форм и приемов расследования различных форм организованной преступности.

Постепенная ликвидация пограничного контроля в рамках ЕС значительно облегчила свободное передвижение европейских граждан, но также облегчила преступникам транснациональную деятельность. Для решения проблемы трансграничной преступности сфера свободы, безопасности и правосудия предусматривает меры по развитию судебного сотрудничества между государствами-членами по уголовным делам. Отправной точкой является принцип взаимного признания приговоров и судебных решений. Были приняты конкретные меры по борьбе с транснациональной преступностью и обеспечению защиты прав жертв, подозреваемых и заключенных на всей территории ЕС.

Парламент ЕС сыграл ключевую роль в формировании законодательства ЕС в области судебного сотрудничества по уголовным делам, сделав борьбу с преступностью политическим приоритетом. Он работает над судебным сотрудничеством по уголовным делам наравне с Советом в рамках обычной законодательной процедуры. Обычная законодательная процедура применяется почти ко всем областям уголовного права ЕС, за некоторыми исключениями, включая, прежде всего, процедуру согласия на создание Европейской прокуратуры.

Европейская прокуратура создана на основании Постановления Совета (ЕС) 2017/1939 от 12 октября 2017 года «Об осуществлении расширенного сотрудничества по созданию европейской прокуратуры» как независимое ведомство, отвечающее за расследование, судебное преследование и отправление правосудия за преступления против бюджета ЕС, такие как мошенничество, коррупция или трансграничное мошенничество с НДС, стоимостью в сотни миллионов евро каждый год. Такое сотрудничество позволит укрепить потенциал ЕС по защите денег налогоплательщиков.

Европейская прокуратура по своей сути должна отвечать за осуществление расследования, предъявление и поддержку обвинения в суде в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений против финансовых интересов ЕС. Такие преступления, в частности, определяются в Директиве № 2017/1371 о борьбе с мошенничеством против финансовых интересов ЕС и предусматривают преступления против бюджета ЕС. А также бюджета различных институтов, органов, учреждений и организаций ЕС или любого иного бюджета, если в отношении его осуществляется управление или мониторинг.

Исходя из положения статьи 22 Регламента, Европейская прокуратура обладает специфической компетенцией в отношении преступлений, которые, так или иначе, затрагивают финансовые интересы ЕС, даже в случае если такие преступления квалифицируются как иной вид в соответствии с положениями национальных законодательств. Полномочия такого органа распространяются на различные мошеннические схемы в отношении НДС, если при этом речь идет об умышленных действиях или бездействии, которое связано с территорией двух или более государств и повлекшем ущерб не менее 10 миллионов евро.

Существующая на сегодняшний день редакция Регламента ограничивает полномочия прокуратуры только преступлениями против финансовых интересов ЕС. Однако, по нашему мнению, существует высокая вероятность того, что в дальнейшей перспективе она будет увеличена.

Кроме того, исходя из положения п. 4 ст. 86 Договора о функционировании ЕС, полномочия Европейской прокуратуры могут быть распространены на другие тяжкие преступления, обладающие статусом трансграничных на основании решения Европейского совета. Стоит отметить, что в основном это относится к преступлениям, которые с одной стороны выходят за рамки правонарушений против финансовых интересов Союза, но вместе с тем тесно связанные с ними (как пример, подделка евро). В перспективе, по нашему мнению, в перечень таких тяжких преступлений могут быть также включены преступления связанные с торговлей людьми, террористической деятельностью и другими.

Главный европейский прокурор не будет обладать процессуальными полномочиями по конкретным делам. Его роль будет состоять в том, чтобы обеспечить организационно-методическое содействие в реализации уполномоченными европейскими прокурорами своих полномочий, в том числе в отношении конкретных уголовных дел. Тем не менее, в исключительных случаях европейский прокурор, может принимать к своему производству расследование конкретного дела. В таком случае он приобретает права, обязанности и статус уполномоченного европейского прокурора в соответствующем государстве-члене ЕС.

Считаем, что отправление правосудия и судебное преследование прокуратурой не соответствует правовым традициям евразийского пространства. В тоже время целесообразно создание аналогичного органа в рамках ЕАЭС. Отправление правосудия не должно будет войти в компетенцию такого органа, однако возможно возложение на это независимое ведомство функции по расследованию трансграничных «интеграционных» преступлений и уголовному преследованию.

Учреждением по судебному сотрудничеству по уголовным делам является Агентство Европейского Союза по сотрудничеству в области уголовного правосудия (Евроюст). Основным инструментом достижения судебного сотрудничества по уголовным делам между государствами-членами является Евроюст. Евроюст стимулирует и улучшает координацию расследований и судебных преследований, а также сотрудничество между органами власти в государствах-членах. В частности, агентство облегчает выполнение просьб о международной взаимной правовой помощи и выполнение просьб о выдаче. Евроюст оказывает властям государств-членов любую возможную поддержку, с тем чтобы повысить эффективность их расследований и судебного преследования за трансграничные преступления.

Евроюст может оказывать помощь государству-члену, по его просьбе, в расследовании и судебном преследовании в отношении соответствующего государства-члена и государства, не являющегося членом, если Евроюст и государство, не являющееся членом, заключили соглашение о сотрудничестве или если была продемонстрирована существенная заинтересованность.

Евроюст охватывает те же виды преступлений и правонарушений, в отношении которых компетентно Агентство Европейского Союза по сотрудничеству в правоохранительной области (Европол), такие как терроризм, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, контрафакция, отмывание денег, киберпреступность, преступления против собственности или общественных благ, включая мошенничество и коррупцию, уголовные преступления, затрагивающие финансовые интересы ЕС, экологические

преступления и участие в преступной организации. Евроюст может, по просьбе государства-члена, также оказывать помощь в расследовании и судебном преследовании других видов преступлений [4].

Таким образом, проанализировано, что основными перспективами развития уголовного судопроизводства в рамках евразийской интеграции являются:

- 1) принятие соответствующей правовой базы сотрудничества по уголовным делам в ЕАЭС;
- 2) создание специализированного органа по судебному сотрудничеству в рамках евразийской интеграции по аналогии с Евроюстом;
- 3) установление принципа взаимного признания приговоров и судебных решений как ключевого во взаимном сотрудничестве в рамках евразийской интеграции;
- 4) формирование независимого ведомства, отвечающего за расследование и уголовное преследование в рамках ЕАЭС по аналогии с Европейской прокуратурой, которая планирует начать свою деятельность в ЕС в 2020 году.

Список источников

1. Волеводз, А. Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – уроки истории и некоторые проблемы реформирования / А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 6. – С. 281–288.
2. Лиссабонский договор 2009 (на официальных языках ЕС). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FI/ALL/?uri=OJ:C:2007:306:TOC> (дата обращения: 16.10.2020). – Загл. с экрана.
3. Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71715364/> (дата обращения: 12.11.2020). – Загл. с экрана.
4. Judicial cooperation in criminal matters [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/155/judicial-cooperation-in-criminal-matters> (дата обращения: 21.11.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 11.12.2020 г.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE FRAMEWORK OF EURASIAN INTEGRATION

This article discusses the prospects for the development of criminal proceedings in the framework of Eurasian integration. To improve the efficiency of criminal proceedings in the framework of the Eurasian integration, the experience of such an integration Association as the European Union is analyzed.

Keywords: criminal proceedings, cooperation, Eurasian integration, European Union, mutual legal assistance, European Prosecutor's office.

Тимошенко Нина Александровна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Матвийчук Анна Олеговна
студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: matviichukana@yandex.ua

Tymoshenko Nina
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
criminal law and procedure of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Matviychuk Anna
law student of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: matviichukana@yandex.ua

УДК 340.5

Шестак С. В.

ПРАВОВАЯ РЕЦЕПЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В статье рассмотрены понятия правовая рецепция и гармонизация законодательства, соотношение данных понятий. Выделено теоретическое обоснование применения термина правовой рецепции в законодательстве Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: законодательство; правовая рецепция; гармонизация законодательства; Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.

После провозглашения 07 апреля 2014 года государственной самостоятельности и суверенитета Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), которые были подтверждены 11 мая 2014 года на всенародном референдуме, появилась необходимость формирования законодательной базы в новых условиях, то есть фактическом выстраивании национальной правовой системы ДНР. Одним из первых нормативных правовых актов, принятых на территории ДНР была Конституция Донецкой Народной Республики, которая закрепила приоритет национального законодательства.

В качестве ориентира в интеграционном процессе был избран вектор на вхождение ДНР в состав Российской Федерации (далее – РФ). Естественно, как и в любом государстве, переживающем переходный период, вопрос реализации правотворческого процесса стоит крайне остро. Ни для кого не секрет, что правовая база ДНР развивалась на протяжении многих лет в составе различных государств (Российская империя, Донецко-Криворожская Республика, Украинская Советская Социалистическая Республика и Украина). В связи с этим сформировалась определенная правовая мысль, характерная для нашего региона, имеющая концептуальные различия с правовой системой РФ. Право любого государства, является частью национального достояния. Оно порождение традиций, наследие предков и способов самовыражения данного общества.

Проблематике гармонизации законодательства в различных сферах уделено внимание российскими исследователями Г. Артамоновой, М. Рыбкиной, Л. Муталиевой, К. Ивановым и т.д.

Цель публикации исследование соотношения понятий правовая рецепция и гармонизация законодательства Донецкой Народной Республики.

14 мая 2014 года была принята Конституция ДНР, где в ч. 2 ст. 86, было указано, что законы и иные правовые акты, действовавшие на территории ДНР, до вступления в силу Конституции ДНР, применяются в части не противоречащей Конституции ДНР. Таким образом, на территории ДНР продолжили применять нормативные правовые акты Украины с изменениями, по состоянию на апрель–май 2014 года.

Донецкая Народная Республика не стала использовать опыт постсоветских республик 90-х годов, а также опыт Крыма 2014 года и не пошла по пути правопреемственности нормативно-правовой базы Украины. Конституцией ДНР (ст. 69) [1] ограничены полномочия Народного Совета ДНР невозможностью внесения изменений в законы Украины, действующие на территории ДНР.

Однако время не стоит на месте, поэтому правовое регулирование общественных отношений в Республике, является крайне важным элементом правовой действительности. Но возникает вопрос, откуда черпать нормативно-правовое регулирование происходящих процессов? Действительно, Народный Совет ДНР принимает новые законы, исполнительная власть принимает подзаконные нормативные правовые акты, но при детальном их изучении мы пришли к выводам, что в период 2014–2019 годов эти нормативные правовые акты не что иное, как компиляция российских и украинских законов и подзаконных нормативных правовых актов. Очень редко и в небольшом количестве отечественным законодателем были разработаны собственные нормативные правовые акты, отличные от вышеуказанных. Стоит отметить, что некоторые из них были ни чем не хуже и, в некоторых случаях, более актуальными для правового регулирования отношений в Республике, переживающей военное положение.

Начиная с 2019 года все чаще от парламентариев Республики можно услышать о процессе гармонизации законодательства Донецкой Народной Республики с законодательством Российской Федерации. В многочисленных интервью звучит, что основополагающим принципом при разработке и принятии законов в Донецкой Народной Республике является гармонизация с законодательством Российской Федерации.

Следует отметить, что фактически процесс заимствования правовых норм РФ в нашей Республике происходит, начиная с 2014 года. Изначально на уровне законодательной и исполнительной власти рассматривалось прямое применение нормативных правовых актов РФ в Республике. Это нашло свое отражение в принятии ряда подзаконных нормативно правовых актов, а именно:

– Постановление Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.06.2014 года «О применении Законов на территории ДНР в переходный период». В нем указывалось, что законодательная база на территории ДНР отсутствует,

поэтому, до принятия Законов ДНР регулирующих отношения между субъектами право Министерств и ведомствам ДНР применять Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР [2];

– Постановление Совета Министров ДНР № 20-3 от 28.07.2014 года «О Временном положении «О полиции Донецкой Народной Республик», где абз. 12 предусмотрено, что принципы деятельности полиции, ее права и обязанности, порядок прохождения службы, присвоение специальных званий и иные вопросы функционирования органов полиции устанавливаются Федеральным законом РФ от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», а также Федеральным законом РФ от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в части не противоречащей основам Конституционного строя ДНР и ее законодательной базы [3]. Учитывая то обстоятельство, что в ДНР в 2014 году отсутствовали какие-либо нормативные правовые акты, регулирующие отношения прохождения службы в полиции, следовательно, должны были действовать вышеуказанные законы.

– Указ Главы ДНР «О применении стандартов на территории Донецкой Народной Республики» № 399 от 22.11.2016 года. Данным нормативным правовым актом предусматривалось временное применение стандартов и других нормативных документов по стандартизации РФ, не противоречащие законодательству ДНР, наделив статусом государственных [4].

В последствие при разработке текстов отечественных нормативных правовых актов стали использовать российские аналоги (Уголовный кодекс ДНР является фактически копией Уголовного Кодекса РФ с некоторыми дополнениями и изменениями).

Но, в рамках нашего исследования, мы хотим разобраться, является ли применение термина гармонизация целесообразным и соответствует ли он тем фактическим процессам, происходящим в Республике. Сама по себе гармонизация законодательства в науке рассматривается в широком и узком понимании. При этом многие исследователи сходятся на мысли, что гармонизация законодательства это форма сближения правовых систем (в нашем случае это правовые системы РФ и ДНР). В то же время, это очень тонкий и трудоемкий процесс, который не приводит к полному единству, но максимально сближает законодательство различных государств, для решения правовых проблем.

В основном, в научной литературе, процесс гармонизации рассматривается как целенаправленная деятельность минимум двух государств в рамках развития межгосударственных отношений. Так как

субъектами гармонизации вступают государства, то данный процесс происходит с помощью международно-правовых средств путем проведения переговоров, заключения соглашений, рекомендаций и т.д. Наша Республика проводит процесс гармонизации с РФ в одностороннем порядке. При этом, при подготовке проектов нормативных правовых актов в ДНР авторами переписывается российский аналог. Следовательно, в данной ситуации, по нашему мнению, необходимо говорить не о гармонизации законодательства, а о правовой рецепции, как виде правовой аккультурации романо-германской правовой семьи, в частности национальной правовой системы РФ.

К вопросу определения понятия правовой рецепции существует множество подходов. Анализ различных источников позволяет прийти к выводу, что правовая рецепция – это результат деятельности законодателя, с абсолютной долей выражения государственной воли, путем одностороннего внедрения или заимствования одним государством у другого крупных массивов права. Фактически, данный процесс происходит в ДНР (например, Гражданский кодекс ДНР и иные нормативные правовые акты скопированы с соответствующих нормативных правовых актов РФ).

Учитывая тот факт, что в ДНР появляется отечественное республиканское законодательство, которое заимствует законодательную терминологию РФ, продолжает действовать украинское законодательство со своим понятийно-категориальным аппаратом, особое значение занимает терминологическая унификация в процессе правовой рецепции.

Для правоприменителя выработка единой терминологии, необходимой для осуществления правовой рецепции, которая установит и закрепит единые требования к использованию терминов, систематизирует понятия, является крайне важным условием для своей деятельности.

Более того, полная унификация юридической терминологии в рамках процесса правовой рецепции позволит повысить формальную определенность права, ликвидировать противоречия в понимании правовых текстов, будет способствовать повышению их доступности.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной республики № 1-1 от 14.05.2014 г.) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 12.02.2021 г.). – Загл. с экрана.
2. Постановление Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.06.2014 года «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» / Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.dnronline.su/doc/dokumenty-soveta-inistrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o->

primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/ (дата обращения: 18.02.2021 г.). – Загл. с экрана.

3. Постановление Совета Министров ДНР № 20-3 от 28.07.2014 года «О Временном положении «О полиции Донецкой Народной Республики» / Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2014/07/Постановление-№20-3-от-28.07.2014-г.-О-Временном-положении-О-полиции-Донецкой-Народной-Республики.pdf> (дата обращения: 18.02.2021 г.). – Загл. с экрана.

4. Указ Главы ДНР «О применении стандартов на территории Донецкой Народной Республики» № 399 от 22.11.2016 года / Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2016/12/Ukaz_N399_22112016.pdf (дата обращения: 22.03.2021 г.). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 05.04.2021 г.

LEGAL RECEPTION IN THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC (THEORETICAL AND LEGAL ASPECT)

The article deals with the concepts of legal reception and harmonization of legislation, the ratio of these concepts. Highlighted the theoretical justification for the use of the term legal reception in the legislation of the Donetsk People's Republic.

Keywords: legislation; legal reception; harmonization of legislation; Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Шестак Станислав Валентинович
кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского
и предпринимательского права
ГОУ ВПО «Донецкая академия
управления и государственной службы
при главе ДНР»
ДНР, г. Донецк
E-mail: svsh007@mail.ru

Shestak Stanislav
Associate Professor of the Department of
Civil and Business Law of the State
Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk Academy
of Management and Civil Service under
the Head of the DPR»
E-mail: svsh007@mail.ru

УДК 342.26

Щербинина Е. В.
Слизовский В. А.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

В данной статье рассмотрено современное состояние форм государственного устройства стран, входящих в Евразийский экономический союз, по состоянию на 2020 год. Авторами был дан прогноз дальнейшего развития интеграционных процессов в пределах евразийского пространства и их влияние на формы государственного устройства стран, относящихся к этому пространству.

Ключевые слова: форма государственного устройства, конфедерация, Евразийский экономический союз, евразийское пространство, евразийство, региональная интеграция, глобализация, регионализация.

На сегодняшний день процессы глобализации, экономической интеграции и международного разделения труда затрагивают все регионы и пронизывают все уровни и сферы общественных отношений. Постсоветское пространство – не исключение, этот район также принимает активное участие в интеграции национальных экономик. Ведущее место в этих процессах занимают международные организации экономического профиля. Одной из таких организаций и основной в направлении евразийской интеграции является Евразийский экономический союз.

Евразийский экономический союз – это международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе. В настоящее время в Евразийский экономический союз входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация (рис. 1) [1, с. 455].

В контексте теоретических государственно-правовых исследований Евразийского экономического союза особый интерес представляет форма государственного (административно-территориального устройства) членов данного межгосударственного объединения, поскольку она указывает на различные аспекты территориальной организации власти на всех уровнях

в представленных странах. Важность исследований в этой области заключается в том, что они позволяют проанализировать и дать прогноз состояния государственного устройства ряда стран евразийского пространства.

Форма государственного устройства представляет собой устройство государства, его внутреннее деление на составные части – административно-территориальные единицы, автономные политические образования или суверенные государства. Она отражает также характер взаимоотношений государства в целом и отдельных его частей [2, с. 225]. Основными разновидностями форм государственного устройства являются: унитарное государство, федеративное государство, конфедеративное государство. Унитарные государства складываются из административно-территориальных единиц, которые подчиняются единым центральным органам власти; в федеративных государствах его части являются государственными образованиями, которые обладают юридически определенной политической самостоятельностью в рамках единого федеративного государства; конфедеративные государства представляют собой союз суверенных государств, созданный для решений общих для этих государств целей и задач, оформленный посредством заключения конфедеративного договора.

Евразийский экономический союз представляет интерес в плане исследования форм государственного устройства, поскольку в составе этого международного образования находятся государства всех видов форм государственного устройства. При этом, следует указать, что надгосударственное образование Союзное государство России и Беларуси, некоторыми учеными рассматривается в качестве конфедеративного надгосударственного образования [3, с. 31]. Далее рассмотрим формы государственного устройства каждой страны в отдельности.

Республика Армения – это простое унитарное государство. Административно-территориальными единицами Республики Армения

являются марзы (области) и общины (ст. 121 Конституции Республики Армения) [4]. Страна разделена на столицу – город Ереван, 10 областей, 932 общины, из которых 871 сельская и 61 городская.

Республика Беларусь – это также простое унитарное государство. Согласно ст. 9 Конституции Республики Беларусь территория Беларуси едина и неотчуждаема [5]. Территория делится на области, районы, города и иные административно-территориальные единицы. Беларусь насчитывает три уровня административно-территориального устройства: первый, самый укрупненный уровень (6 областей и город Минск); второй, базовый уровень (118 районов и 10 городов областного подчинения) и третий, первичный уровень (104 города районного подчинения (в том числе 90 районных центров и 14 горсоветов), 30 городских поселков (в том числе 20 районных центров и 10 поссоветов), 1151 сельсовет (в том числе 55 поселков городского типа входящих в состав сельсоветов) и 24 района внутри городов областного подчинения и столицы – города Минска).

Республика Казахстан по аналогии с предыдущими странами является простым унитарным государством. Данное положение закреплено в ст. 2 Конституции Республики Казахстан [6]. Административно-территориальное устройство также разделяется на три уровня. Страна делится на 14 областей и 3 города республиканского значения (столица – город Нур-Султан, город Алма-Ата и город Шымкент).

Кыргызскую Республику также можно отнести к числу простых унитарных государств. Унитарный характер формы государственного устройства закреплен в ст. 1 Конституции Кыргызской Республики [7]. В составе Киргизии находятся 7 областей и два города республиканского значения (столица – город Бишкек и город Ош).

Российская Федерация по форме государственного устройства является симметричной федерацией с элементами асимметрии. Федеративность Российского государства закреплена в ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации [8]. Россия является симметричной федерацией с элементами асимметрии поскольку Конституцией Российской Федерации изначально заложены элементы асимметрии в федеративном устройстве Российского государства [9, с. 136]. В настоящее время в состав Российской Федерации входят 85 субъектов, в том числе: 22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа.

Союзное государство России и Беларуси – это надгосударственное образование Российской Федерации и Республики Беларусь. Этот союз обусловлен тесными многовековыми историко-культурными связями между народами России и Белоруссии. Создание этого образования предполагает поэтапную организацию единого социально-экономического, политического, военного, таможенного, валютно-финансового, правового, гуманитарного и

культурного пространства этих стран. Для управления Союзным государством был создан ряд надгосударственных органов: Высший государственный совет, Парламент, Совет министров, Суд, Счетная палата (она не создана, однако ее создание предполагалось договоренностями между странами) и Постоянный комитет [10].

Несмотря на то, что государства, входящие в Евразийский экономический союз, имеют различия в своем устройстве и определенные особенности развития национальных экономик и составляющих ее отраслей хозяйствования, все они стремятся к обоюдному сотрудничеству на взаимовыгодных условиях. Это стремление объяснимо рядом факторов, которые активизируют интеграционные процессы на территории евразийского пространства.

К таким факторам можно отнести:

- схожесть уровня социально-экономического развития данных государств;
- взаимодополняемость экономик субъектов интеграции;
- наличие политической воли, лидеров, разрабатывающих и реализующих интеграционные процессы на государственном и интернациональном уровнях;
- достаточный уровень развития инфраструктуры для перемещения факторов производства между национальными экономиками внутри союза и с третьими государствами;
- общность решаемых целей и задач на макро- и микроэкономическом уровнях;
- повышение конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного и устойчивого развития;
- совместное преодоление последствий международных финансово-экономических кризисов;
- географическая близость интегрирующих стран;
- геополитическая и геоэкономическая ситуация на международной арене (включая влияние процессов глобализации и регионализации);
- исторические предпосылки интеграции (в том числе и общее прошлое этих стран в составе Союза Советских Социалистических Республик, к советскому наследию можно отнести налаженную систему социально-экономических связей между этими государствами, которая дает о себе знать до настоящего времени, оказывая положительный эффект на интеграцию государств в этом регионе) и др.

Для утверждения намеченного интеграционного курса, проведения скоординированной работы по вопросам сопряжения интеграционных процессов на евразийском пространстве, включая либерализацию торговых отношений между участниками, совместное развитие транспортно-

логистической инфраструктуры и другие вопросы экономического взаимодействия в рамках идеи Большого Евразийского партнерства, целью которой является превращение Евразии в зону мира, сотрудничества и процветания 6 декабря 2018 года была принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза [11, с. 7].

Интеграция в евразийском регионе начинает быстро набирать обороты. Катализатором этого процесса служит положительная динамика и расширение социально-экономических связей между государствами евразийского пространства, что обусловлено схожестью экономической конъюнктуры в этих странах, заинтересованностью во взаимном сотрудничестве, увеличением обоюдных инвестиций в различные отрасли хозяйствования.

Одним из ярких примеров роста экономической интеграции является вступление в силу 1 января 2018 года Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, который является приложением к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года [12]. Принятие единых для Евразийского экономического союза нормативно-правовых актов явно свидетельствует об унификации нормативно-правовой базы государств, входящих в этот союз. Подобная унификация в современных условиях развития экономики необходима, поскольку она помогает значительным образом облегчить регулирование общественных отношений в сфере таможенного регулирования между этими государствами.

На интеграцию в евразийском регионе ощутимое влияние оказывают процессы глобализации и регионализации. Так, Л. Е. Гридин под понятием глобализации понимает следующее: «Глобализация (от лат. *globus* – шар) – это процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов» [13, с. 11]. На форму государственного устройства влияние глобализации оказывается, однако такое влияние косвенно, т.е. глобализация влияет на устройство государства не на прямую, а посредством. Из-за увеличения степени интеграции государств последние стали чаще вступать в международные объединения различного толка (сообщества, ассоциации, содружества, союзы и др.), в том числе и в такие объединения которые можно расценивать как конфедерации. В свою очередь, подобные формы межгосударственных объединений, в будущем, могут интегрироваться до такой степени, что могут образовать единое государство из числа членов, которое будет иметь свою собственную форму государственного устройства, соответственно, федеративную или унитарную (а возможно и какой-нибудь новый вид государственного устройства,

возникнувший вследствие планомерного развития государственно-правовой реальности). Такое влияние в рамках процесса глобализации рассматривается в глобальном (планетарном) масштабе.

Рассмотрим влияние процесса регионализации. В. А. Дергачев понимает под термином «регионализация» следующее: «Регионализация (от лат. regio – страна, область) – это процесс формирования и развития межгосударственных экономических и других объединений на основе близости социокультурных (морально-этических, религиозных и др.) факторов. В современном мире регионализация выступает одновременно как этап и ответ на вызовы глобализации (интернационализации) (ЕС, АСЕАН, АТЭС и др.). Ускорение модернизации через территориальную концентрацию, конкуренцию региональных условий хозяйствования» [14]. Влияние регионализации может рассматриваться в ключе с глобализацией, однако, оно сконцентрировано прежде всего на суб- и макрорегиональном уровне развития межгосударственной интеграции и подразумевает увеличение роли региональных организаций (которой, в том числе, является и Евразийский экономический союз), а не организаций глобального (планетарного) уровня, как в случае с глобализационными процессами.

То есть, глобализация – это интеграция государств в глобальном (планетарном) масштабе, а регионализация – в масштабах суб- и макрорегионов. Соответственно, регионализация влияет на форму государственного устройства в ключе усиления интеграции в рамках конкретного суб- и макрорегиона, что в дальнейшем может способствовать образованию новых государств со своими моделями государственного устройства в определенном регионе на политической карте мира (например, макрорегион «Микронезия» образует федеративное государство – Федеративные Штаты Микронезии) (рис. 2).

Стоит отметить, что процессы глобализации и регионализации значительным образом влияют на внешнее устройство государства (формы межгосударственных объединений), расширяя рубежи интеграционных процессов (увеличивая количество интегрирующих субъектов и усиливая степень интеграции между ними).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что Евразийский экономический союз в дальнейшем своем развитии может трансформироваться из международной экономической организации в конфедеративное надгосударственное образование, по примеру Союзного государства России и Беларуси, причем, количество членов данного образования может измениться в сторону увеличения. На подобную трансформацию оказывают влияние всеобъемлющие процессы глобализации и регионализации, протекающие, на данный момент, в большинстве суб- и макрорегионов нашей планеты, в том числе, и на просторах Евразии.

Список источников

1. Парфенов, М. О. Направления развития Евразийского экономического союза / М. О. Парфенов, А. П. Сурник // Решетневские чтения. – 2018. – № 2. – С. 455–456.
2. Теория государства и права. Часть 1. Теория государства: учебник / под ред. М. Н. Марченко. – М.: «Зерцало-М», 2011. – 516 с.
3. Афанасьев, О. Е. Политическое пространство современного мира: справочник / О. Е. Афанасьев. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 168 с.
4. Конституция Республики Армения от 06.12.2015 г. / Президент Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.president.am/ru/constitution-2015> (дата обращения: 30.11.2020). – Загл. с экрана.
5. Конституция Республики Беларусь от 24.11.1996 г. / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 30.11.2020). – Загл. с экрана.
6. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 г. / Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 30.11.2020). – Загл. с экрана.
7. Конституция Кыргызской Республики от 27.06.2010 г. / Правительство Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 30.11.2020). – Загл. с экрана.
8. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. / Сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 30.11.2020). – Загл. с экрана.
9. Иванов, А. М. Асимметрия в федеративном устройстве России / А. М. Иванов // Философия права. – 2009. – № 6. – С. 135–140.
10. Договор о создании Союзного государства от 08.12.1999 г. / Информационно-аналитический портал Союзного государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 30.11.2020). – Загл. с экрана.

11. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза от 06.12.2018 г. / Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422031/ms_10122018 (дата обращения: 30.11.2020). – Загл. с экрана.
12. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 г. / Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 (дата обращения: 30.11.2020). – Загл. с экрана.
13. Гридин, Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет / Л. Е. Гридин // История и современность. – 2005. – № 1 – С. 6–31.
14. Дергачев, В. А. Геополитика: Русская геополитическая энциклопедия / Институт геополитики профессора Дергачева. – 2010–2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/index.html> (дата обращения: 30.11.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 22.03.2021 г.

ON THE QUESTION OF STATE STRUCTURE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION MEMBER COUNTRIES: CURRENT STATE AND FORECAST OF FURTHER DEVELOPMENT

This article examines the current state of the forms of government in the countries of the Eurasian Economic Union, as of 2020. The authors gave a forecast for the further development of integration processes within the Eurasian space and their influence on the forms of state structure of the countries belonging to this space.

Keywords: form of government, confederation, Eurasian Economic Union, Eurasian space, Eurasianism, regional integration, globalization, regionalization.

Щербинина Елена Владимировна
кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sherbinina@donnu.ru

Shcherbinina Elena
Candidate of history, Associate professor
of the department of Theory And History
Of State And Law of Donetsk national
university
DPR, Donetsk
E-mail: sherbinina@donnu.ru

Слизовский Всеволод Андреевич
студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: vsevolod.slizovskiy@mail.ru

Slizovsky Vsevolod
law student of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: vsevolod.slizovskiy@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

– НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

– Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация

и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.
Серия Е: Юридические науки**

2021. – № 1

Технический редактор: А. К. Миронова

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк
Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)
E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 27.04.2021 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать – цифровая. Усл. печ. л. 12,82.

Тираж 100 экз.

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Тел.: +38 (062) 302 92 27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.